Белочка во сне и наяву

Автор:
Дарья Донцова

Белочка во сне и наяву

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #36

Стоило мне, Евлампии Романовой, отвести приемную дочку Кису на утренник в костюме белки, как тут же случился форс-мажор: местный пьяница принял ее за легендарную «белочку» и чуть не отправился в мир иной от ужаса. Дурацкое происшествие совершенно некстати: ведь меня ждут на новом месте работы! Да-да, теперь я – секретарь дизайнерского бюро. Естественно, вовсе не любовь к красивым интерьерам привела меня туда, а новое расследование. Моя знакомая Лена Гвоздева упросила помочь ее дочери Насте, которую обвинили в краже безумно дорогого кольца у хозяйки бюро Нины Зуевой. Слишком много в этом деле нестыковок, создается впечатление, будто Настену подставили. Но кому и зачем это нужно?.. Едва устроившись на службу, я поехала к клиенту – грубияну и самодуру Фомину. И в тот же вечер его обнаружили мертвым! Ох и странные дела творятся в этом бюро, теперь ни за какие коврижки не уйду отсюда, пока во всем не разберусь!

Дарья Донцова

Белочка во сне и наяву

Глава 1

Не стоит унывать, когда вам на голову градом сыплются мелкие неприятности. Значит, жизнь разменяла на них какую-то одну большую беду…

Я посмотрела на неработающую СВЧ-печь. Правило трех гадостей, как всегда, сработало безотказно. Что это такое? Поясню на собственном примере. Если, встав утром с постели, вы наступили на мирно спящую на коврике мопсиху, а та от неожиданности и возмущения напрудила огромную лужу, то это первый пинок от богини неудачи, за которым непременно должны последовать еще два. Как только случится третья засада, можно спокойно выдохнуть – на сегодня все. Но завтра вы снова можете споткнуться о похрапывающую на паласе собачку, упасть на нее, а она… Думаю, не стоит продолжать, всем все понятно. Итак, лужу, сделанную десять минут назад Фирой, я уже убрала. А вот теперь сломалась СВЧ-печка. Что же будет, так сказать, на третье? И тут ожила трубка домашнего телефона.

– Можно госпожу Краузе? – спросил приятный мужской голос.

Я удивилась, ведь до сих пор нашей няне никто не звонил, и крикнула:

– Роза Леопольдовна, вас к телефону!

– Меня? – переспросила она, вплывая на кухню. – Кто?

– Он не представился, – ответила я и ушла в ванную.

Минут через десять в дверь раздался стук.

– Сейчас выйду! – откликнулась я. – Кто там такой нетерпеливый? Егор, ты?

– Нет, – неожиданно ответила Краузе. – Простите, Лампа, у нас форс-мажор.

Забыв накрасить второй глаз, я выскочила в коридор.

– В чем дело?

Няня смутилась.

– Простите, мне нужно отлучиться, срочно. Давайте считать сегодняшний день моим выходным? Хотя нет, в связи с внезапностью просьбы лучше приравняем его к трем свободным, в этом месяце я больше отдыхать не буду. Хорошо?

– Ладно, – растерянно согласилась я. – Может, вам нужны деньги?

– Спасибо, нет.

– Какая-нибудь помощь требуется?

– Все в полном порядке, – быстро заверила няня, – просто мне надо отбежать ненадолго. Извините, Лампа, вам придется самой отвести Кису в детский центр. А я ее оттуда заберу.

– Попрошу Егора по дороге в школу забросить сестру в садик, – ответила я. – Мне на работу надо.

– Вы забыли? – удивилась Роза Леопольдовна. – В стране майские праздники, сегодня в пять утра Егорушка с классом улетел на неделю в Италию.

Мне стало стыдно, и я укорила себя: да уж, Евлампия Андреевна, отличная из тебя родительница получилась, мальчик ушел из дома на рассвете, а приемная мать даже не пошевелилась.

– Егор решил вас не будить, – продолжала Краузе. – И завтракать не стал, сказал: «Пусть Лампа спокойно спит, не надо шуметь, я поем в самолете».

Я открыла было рот, чтобы поинтересоваться, как он решил добираться до аэропорта «Шереметьево», но няня опередила меня, пояснив:

– За мальчиком отец его одноклассника Васи Рогова заехал. Вы же знаете Егорушку, он самостоятельный[1 - О том, как в семье Евлампии появились дети, Егор и Киса, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Добрый доктор Айбандит», издательство «Эксмо».].

– Это точно, – пробормотала я, кляня свою забывчивость. – Подчас даже излишне независим, считает себя взрослым мужчиной. Хорошо, я доставлю Кису в центр.

– Сегодня там праздник, посвященный Первомаю, – предупредила Краузе.

– Ага, – кивнула я. – Надо принести воспитательницам торт?

– Нет, нет, – возразила Роза Леопольдовна, – деньги на десерт и небольшие презенты родители сдавали еще в начале апреля. Пожалуйста, будьте аккуратны с белкой.

– С кем? – не сообразила я.

– Кисонька, подойди сюда… – позвала няня.

Раздалось бодрое цоканье коготков по полу – первыми на зов явились мопсихи. Они сели у ног Краузе и задрали складчатые морды. В больших выпуклых глазах собак явственно читались все их мысли: «Зачем зовут девочку? Ее, наверное, угостят печеньем. А нам достанется? Хотя мы скромные, подберем и крошки, которые уронит малышка. А вот когда Лампа и Роза отвернутся, отнимем у нее бисквит».

– Солнышко, ты где? Иди к нам, – повторила няня.

– Хвост застрял, – пропищала в ответ Киса, – зацепился… Все, оторвала.

В конце длинного коридора показалась маленькая фигурка и стала медленно приближаться. Девочка выглядела как-то странно – казалась слишком толстой, на голове у нее появились большие, торчащие вверх треугольные уши, а из-за спины выглядывало нечто рыжее, клокастое, изогнутое. И что за наряд на ней? Комбинезон, сшитый мехом наружу? Зачем она его надела в начале мая?

Крошка наконец подошла к нам, и я не удержала возгласа:

– Чудовищно!

– Это костюм белки, мы с трудом его раздобыли, – сказала Роза Леопольдовна. – Я уже говорила, что в детском центре праздник, дети специально к Первомаю поставили спектакль «Маша и три медведя».

– Я бельчонок Марфа! – гордо заявила Киса. – Вон какие зубы! Они не настоящие, зато торчат далеко. Видишь?

– Разве в этой сказке есть грызун? – стараясь не расхохотаться во весь голос, спросила я.

Киса ответила:

– Там еще зайчик, петушок, мышка, собачка…

– Ты случайно не перепутала ее с «Репкой»? – перебила я девочку. – Хотя вроде заяц и петух репу из грядки не тащили.

Киса, не ответив, продолжала перечислять действующих лиц спектакля:

– А еще жираф, слон, обезьянка…

Роза Леопольдовна поправила пышный хвост, торчавший за спиной подопечной.

– Где твой рюкзачок?

– Сейчас принесу, – деловито сообщила Киса и удалилась.

Няня с укоризной посмотрела на меня.

– Дорогая Лампа, нам очень повезло с детским центром «Счастливая звезда». Его можно посещать не каждый день, а когда хочется, он работает без праздников и выходных. Там отличные воспитатели, приятные детки, интересные занятия, а главное, девочка в этом садике не болеет. И она очень гордится ролью белки, выучила стишок. Вы уж не обращайте внимания на сценарий, постановщикам пришлось ввести в сказку побольше персонажей, чтобы каждый ребенок оказался занят.

Я начала оправдываться:

– Я просто так спросила. Подумала, может, я забыла сказку про Машу и медведей, вроде в ней только девочка и мишки.

Роза посмотрела на часы.

– Вам пора, а то опоздаете, представление начнется в десять.

Когда я, одетая, причесанная, с сумкой в руке вошла в холл, Киса, по-прежнему в образе белки, смирно сидела на стуле.

– А где няня? – спросила я.

– Ушла, – ответила девочка.

– Давай снимем костюмчик, – сказала я.

Входная дверь приоткрылась, в щели показалась голова Розы Леопольдовны:

– Совсем забыла предупредить! Наряд белки не стаскивайте, потом не наденете, это очень трудно. Пусть Киса так идет. После представления ее воспитательница переоденет, обычные вещи в рюкзачке.

– Хорошо, – кивнула я.

– Центр недалеко, – тараторила Краузе, – прогуляйтесь пешочком, а то в машине хвост помнете. Я его тщательно расчесала, распушила. На улице тепло, наряд из искусственного меха, девочка не простудится.

Роза Леопольдовна исчезла.

Я взяла малышку за руку.

– Ну, потопали. И правда, как бы не опоздать.

На улице никто из прохожих не показывал на нас пальцем, и мы с Кисой спокойно спустились в подземный переход, благополучно очутились на другой

стороне проспекта, свернули налево и через пару секунд дошли до магазинчика с вывеской «Ваш личный гастроном». Я не люблю эту торговую точку, открытую круглосуточно. Там работает отдел с подозрительно дешевым алкоголем, и у определенной категории граждан он очень популярен именно из-за низких цен на спиртное. Вот и сейчас на ступеньках стоял помятый мужичонка, явно поджидая, когда начнут торговать водкой и можно будет разжиться бутылочкой. Нам с Кисой предстояло пройти мимо мини-маркета, повернуть направо и пройти еще метров триста до калитки детского центра.

Мы приблизились к мужику, а тот вдруг вытаращил глаза, перекрестился и прошептал:

– Она существует… – Затем стал тихо оседать на грязную лестницу.

– Вам плохо? – испугалась я.

– Изыди, сатана… – прошептал дядька. – Сгинь, рассыпься…

Киса начала пританцовывать на месте, разводя в стороны руки-лапы, потом громко завела:

– Хорошо живет на свете белка, ух! Оттого поет она эту песню вслух!

Я невольно усмехнулась. Тот, кто написал сценарий к детскому празднику, не очень-то был озабочен такой ерундой, как авторское право, и преспокойно переделал песенку из культового мультфильма[2 - «Винни-Пух и все-все-все». Песня медвежонка: «Хорошо живет на свете Винни-Пух, оттого поет он эти песни вслух». – (Прим. автора)].

– Помогите, – посинел алкоголик, – умираю. Прощайте, люди, она пришла.

– Ага, допился, скотина, до белочки! – заорал за моей спиной пронзительный голос.

Я обернулась и увидела растрепанную тетку в засаленном, линялом, некогда розовом стеганом халате и стоптанных тапочках в виде кошек.

– Катька, помираю, – прошептал пьянчужка, – доктора вызови.

– Скалкой тебе по лбу! – взвилась баба. И оглушительно чихнув, продолжала вопить: – Только отвернулась, а он из дома сиганул, последние рубли из коробки упер! Глянула в окно – где мое сокровище? Где Колька? У чертова магазина топчется! Да чтоб тебя подняло, подбросило и о землю шмякнуло!

– Катя, Катя, ты ее видишь? – слабым голосом прошептал Николай.

Екатерина подбоченилась.

– Кого? Белку? Рыжую с хвостом? Нет тут никого!

Мужичонка закрыл глаза, улегся на ступеньки и замер.

– Ну, спасибо тебе, – с чувством сказала баба, оборачиваясь ко мне. – Напугала идиота насмерть, так ему и надо. Сто разов ему твердила: допьешься до белочки, помрешь в одночасье, как шурин. А мой благоверный в ответ: «Санек запойный был, вот его шиза и убила. Ко мне белка не придет, потому что я по чуть-чуть употребляю, не более пол-литра в день». Прям повезло, что вы мимо шли, прям радостно. Чего рекламируете? Орешки? Конфеты?

Я схватила Кису за лохматую лапу, пошла вперед и обернулась. Николай по-прежнему лежал без движения, супруга пинала его ногой.

– Екатерина, вы бы вызвали врача, – попыталась я ее образумить, – похоже, человеку плохо.

– Да че с ним сделается? – огрызнулась добрая женушка. – Всю ночь где-то шатался, с друганами квасил, утром приперся, деньги схапал и опять за водярой намылился. Если кому тут и худо, так это мне. Прикидывается урод, изображает, что помирает. А вот мне и впрямь худо. Спину второй день ломит, словно палкой побили, аппетит пропал, в глаза как будто песку натрусили, голова на части разваливается, всю ночь меня в ознобе трясло, а сейчас жарко стало. Из-за муженька, идиота, и заболела, температура от нервов, которые этот алкаш истрепал, поднялась. Да чтоб ты сдох, гад! Двадцать пять лет живу с иродом, сил уж нет терпеть. Ненавижу его!

– Так разведитесь, – не выдержала я.

– Ишь ты какая! – заголосила баба. – А квартира? Мебель? Дачный участок? Машина? Все ж делить придется! Колька свою половину живо профукает и ко мне назад заявится голым. Ну уж нет, лучше подожду, пока он, как шурин, до могилы допьется. И детям отец нужен, их у нас трое. Слышь, ты заработать хочешь? Оставь свой телефончик. Я бабам про белку расскажу, тебя все приглашать станут. Мужиков пугать надо. Вон как Колька тихо лежит, даже про бутылку не вспоминает. Любо-дорого посмотреть.

Я потащила Кису вперед, а в спину летел визгливый голос:

– Эй! Куда? Заработаете хорошо!

– Почему дядя испугался? – спросила Киса, когда мы очутились в детском центре.

У меня нашелся подходящий ответ:

– Он никогда не видел живых белок, только на картинках в книжках.

– И в зоопарк не ходил? – удивилась малышка.

Я поправила пышный беличий хвост.

– Некогда ему, работы много.

– Как у тебя, – подытожила девочка, – и у Макса. Когда он домой прилетит?

– Через три недели, – вздохнула я. – Привезет всем из Германии подарки.

– Ой, какой роскошный наряд! – восхитилась воспитательница Валентина Васильевна, появляясь в раздевалке. – Кто его тебе сшил?

Киса запрыгала.

– Егор в Интернете купил, там все продается. Ля-ля-ля…

Весело напевая, Киса убежала в группу.

– Ох уж эти современные дети… – вздохнула Валентина Васильевна. – Ничем их не удивишь, про компьютер и Интернет с пеленок знают. Идите скорее в зал, а то вам места не хватит, родителей много.

– Я не планировала остаться, – честно призналась я, – мне на работу надо.

Воспитательница понизила голос:

– Евлампия Андреевна, представляете, как Кисе будет обидно? Ко всем детям родственники пришли, а к ней нет. Девочка старалась, учила стихи, у нее ответственная роль.

– Пора начинать, – громовым басом произнесла, входя в раздевалку, преподавательница физкультуры Анна Семеновна. – Иди, Валя, садись за фортепьяно. Здравствуйте, Лампа. Что, вам негде сесть? Сейчас табуретку принесем.

Я во все глаза уставилась на стокилограммовую женщину. Как-то она странно сегодня нарядилась: коротенькое розовое платье фасона «бэби-долл» с торчащей колоколом пышной юбочкой и рукавчиками фонариками, белые гольфы с кисточками и капроновый голубой бант в выкрашенных в баклажановый цвет волосах.

– Рита, принеси в зал стулья! – крикнула, обернувшись, Анна. – Ой, кажется, на спине лиф лопнул… Валя, глянь, пожалуйста.

– Полный порядок, – заверила коллега. – Но ты, на всякий случай, не очень активно двигайся.

– Красивый наряд, только слегка вам мал, – пробормотала я.

– Большего размера в прокате не было, – улыбнулась Аня. – Я сегодня исполняю роль девочки Маши, а наш сторож Василий Петрович – медведица.

– Ну да, ну да, – забубнила я себе под нос.

– Все девочки в центре хотели получить роль главной героини, – пояснила Валентина. – Маша одна, а желающих ее играть двадцать человек, думали, думали, как их не обидеть, и решили: Машенькой будет Анна, тогда никаких конфликтов, слез и зависти не возникнет.

– А мальчики, надо так понимать, рвались изображать медведицу, – улыбнулась я.

– Наоборот, – возразила Аня, – никто не хотел, она же сердитая. Пришлось привлекать Василия. А ее медвежата вредные ябеды, поэтому их мы вообще вычеркнули. Вместо них у нас белые лебеди, которые Машу спасают и уносят в корзинке.

Я опешила. Интересно, где креативные педагоги-писательницы разыскали плетеную емкость, куда поместится пышнотелая Анна Семеновна? Взяли напрокат гондолу, которую подвешивают к гигантским воздушным шарам?

Из коридора раздалось дребезжание.

– Первый звонок! – засуетилась «Машенька» и умчалась.

Валентина Васильевна сложила ладони домиком:

– Лампа, дорогая, спектакль длится всего полчаса! Поддержите Кису!

– Хорошо, – согласилась я и направилась в зал.

Глава 2

Представление действительно закончилось быстро, но после него пришлось переодевать Кису. Покинула детский центр я лишь в одиннадцать и побежала на парковку за своей машиной, одновременно пытаясь связаться с Ниной

Феликсовной Зуевой. Как назло, та не снимала трубку. Я уже хотела положить телефон в карман, но он вдруг зазвонил, и на дисплее высветилось «Вадим». Меня разыскивал сын Нины.

– Ты где? – забыв поздороваться, спросил он.

– В пробке застряла, – жалобно соврала я.

– На дорогах беда, – посетовал парень. – Ладно, дуй прямо к заказчику, не заезжай в офис. Улица Новодальская, дом шесть. Успеешь к половине двенадцатого?

– Мчусь во весь опор, – пообещала я, радуясь тому, что нахожусь совсем рядом. До Новодальской мне пять минут езды.

– Поскольку нам заранее поговорить не удалось, попробую объяснить по телефону, что от нас хочет заказчик… – начал Вадик. Но в ту же секунду я услышала равнодушный механический голос, сообщивший, что «Абонент находится вне зоны действия сети». Вадим попал в «яму» мобильной связи.

– Вот она! Держи ее! – неожиданно заголосил пронзительный дискант. – Ходит с белкой, людей насмерть запугивает. Арестуйте ее! Пусть нам лечение оплачивает. Эй, тебе говорю, тормози, блин!

Я остановилась у ступеней гастронома, на которых, подбоченясь, стояла Екатерина, жена алкоголика, испугавшегося Кисы в костюме белочки. У тротуара была припаркована полицейская машина, а рядом с теткой топтался толстый опер с безнадежно унылым выражением лица.

– Вы ко мне обращаетесь? – посмотрела я на бабу в халате.

– К тебе, тварь! – завизжала Катерина. – Гони деньги прямо сейчас. Мне надо медсестрам заплатить, нянькам, врачам, да еще жрачку в палату таскать. Откуда у меня средства? Муж пьянчуга убогий, чтоб он сдох поскорей, а дома трое детишек по лавкам! Зато ты по улицам рассекаешь с кожаной торбой через плечо, какой у меня даже для праздника нет. И в туфлях на красной подметке. Я телевизор смотрю, знаю, сколько такие стоят. Обокрали Россию, жируют на

наши народные деньги!

Я растерялась и попятилась. Весной и осенью у психически больных людей начинается обострение. Похоже, багровая от злости мадам не приняла сегодня свои таблетки.

– Гадина! – завопила Екатерина. И бросилась на меня, попыталась вырвать из моих рук сумку, которую Макс привез мне из Америки.

– Гражданка, прекратите, соблюдайте тишину и порядок, – устало произнес полицейский, хватая хулиганку за локти. Затем повернул голову ко мне: – А вы, гражданка, знаете эту гражданку?

– Она моего мужика белкой насмерть пуганула! – еще громче заголосила супруга алкаша.

– Гражданочка, прикусите язык, – рассвирепел страж порядка.

Куда там! Катерина продолжала орать, перемежая каждую фразу ругательствами, в том числе и матерными. Наконец я поняла, что произошло.

Когда мы с Кисой ушли в садик, «добрая» жена перестала пинать ногами своего неподвижно лежащего благоверного, наклонилась над ним, чтобы надавать пощечин, и обнаружила, что тот вроде и не дышит. С криком «Убили!» Екатерина кинулась в супермаркет, продавцы вызвали «Скорую» и полицию. На удивление, обе службы прикатили через пять минут, и выяснилось, что Николай жив, но у него случился сердечный приступ. Молодой врач, видимо только-только получивший диплом, сказал:

– У больного на лице застыло выражение ужаса. А от страха даже совершенно здоровый человек может умереть. Кто-нибудь недавно напугал его?

Катерина моментально вспомнила про нас с Кисой. И вот теперь злобная баба желает, чтобы я прямо сию минуту достала из сумки миллион рублей наличными и отдала ей на лечение любимого супруга и прокорм трех деток, младший из которых сейчас служит в армии.

– Если вы посадите Екатерину в свою машину, то я объясню вам, о какой белке идет речь, – пообещала я полицейскому.

– Серега! – заорал тот. – Хорош кофе пить, помоги!

Из служебного автомобиля высунулся молодой парень:

– Чего делать надо, Виктор Михайлович?

– Забери гражданку и запиши ее показания, – велел старший коллега. – А вы, гражданка, повторите свои претензии ответственному сотруднику, их надо зафиксировать для дальнейшего хода следствия. Понятно, гражданка?

– С места не сдвинусь, пока она мне не заплатит, – уперлась Екатерина.

Открыв сумку, я показала скандалистке ее содержимое.

– Миллион занимает довольно много места, это десять пачек по сто тысяч, даже в самых крупных купюрах получится внушительная куча ассигнаций. Смотрите, у меня с собой ничего подобного нет!

– Если ваши слова, гражданка, не записать, то они просто бла-бла, – подхватил Виктор Михайлович. – Их к делу не пришьешь. А коли на бумаге будут, тогда это документ. Ступайте в машину, гражданка!

Екатерина неожиданно притихла, сделала пару шагов в сторону бело-синего «Форда». Но обернулась и прошипела:

– Кабы ты на месте расплатилась, дешевле бы обошлось. А по суду я с тебя десять «лимонов» срежу. Лишила семью кормильца, стерва! – И она потрусила к полицейской машине.

Я достала из сумочки служебное удостоверение, паспорт и быстро рассказала Виктору Михайловичу о празднике в детском садике, о Кисе в костюме белочки и нашей встрече с алкоголиком и его «любящей» супругой.

– Шизеет народ от Интернета, – сделал вывод страж порядка, – мозг от излучения гибнет. А ты что, из наших? Ушла в коммерческую структуру? Хорошо платят?

– Не жалуюсь, – улыбнулась я. – Но прежде не имела отношения к правоохранительным органам, по образованию я музыкант, когда-то в оркестре на арфе играла. Неужели будете заводить дело о белке?

– Ты в другом мире служишь, – устало произнес Виктор Михайлович, – а у нас теперь дурдом. Гайки закрутили, резьбу сорвали, денег платят пшик, а требуют столько, что пожрать некогда. Нынче на любой пук гражданина велено оперативно реагировать. Вон вчера вызвали на квартиру… Там коммуналка, двое соседей. У одного из клетки морская свинка удрала и второго укусила. Раньше я бы дураков успокоил, пожурил, лекцию на тему «Давайте жить дружно» прочитал и мирно уехал. А сейчас что? Пиши, Виктор Михайлович, гору бумаг!

– Дело о морской свинке? – захихикала я. – Прикольно. Кого к суду привлекут?

– Вообще-то за животное хозяин отвечает, – хмуро пояснил полицейский. – Но я выкрутился, указал в документе: «В домашних условиях содержится дикое животное, которое, по своей глупости, является не дрессируемым. Злого умысла в произошедшем укушении не просматривается и нет мотива». Ты мне оставь свои координаты, могут понадобиться. Мы с Серегой сейчас эту бабень утихомирить попытаемся, но если она в раж войдет, придется тебя вызывать, показания записывать.

Я протянула ему визитку:

– Звоните в любое время.

Виктор Михайлович кашлянул и привычно произнес:

– Можете быть свободны, гражданка.

Я быстро пошла вперед. Но вдруг услышала:

– Евлампия! – И обернулась.

– У вас в конторе новых сотрудников часом не ищут? – поинтересовался полицейский.

– Пока нет, – ответила я.

– Жаль, – расстроился Виктор Михайлович. – Мигом бы работу поменял. Жена запилила, шубу ей охота и сумку вроде твоей.

Решив ничего больше не говорить, я побежала на стоянку.

К дому на Новодальской мне удалось подъехать на минуту раньше Вадима.

– Молодец, не опоздала, – похвалил меня Зуев. – Сейчас мама подкатит, вместе пойдем к заказчику. Зовут его Герман Фомин. Бизнесмен, торгует то ли рыбой, то ли мясом, в общем, продуктами. В деньгах не стеснен, решил изменить дизайн гостиной. Наша задача расспросить мужика и понять, чего конкретно он хочет. А вот и мама.

Сверкающая лакированными белыми боками дорогая иномарка лихо вкатила во двор, повернула налево и – тюкнулась бампером в ободранный мусорный контейнер. Водительская дверца открылась, показалась одна стройная женская ножка в элегантной туфельке на высоком спицеобразном каблуке, потом вторая, затем появился подол ярко-синего легкого пальто…

– Нина, ты стукнула своей машиной, только вчера пригнанной из салона, помойку! – простонал Вадим.

– А что ей сделается? – изумилась его мать. – Бак старый, ржавый, на ладан дышит, его небось мусорщик каждый день своим грузовиком пинает. Я до него чуть-чуть дотронулась. Думаешь, надо пойти в ДЭЗ и оставить там денег на ремонт контейнера?

Вадик махнул рукой.

– Лучше направимся к заказчику.

Глава 3

Наверное, пришла пора объяснить, каким образом я стала сотрудником дизайнерского бюро Нины Феликсовны Зуевой.

Не так давно я, поддавшись на уговоры своей подруги Иры Звягиной, дала согласие поучаствовать в одном телешоу[3 - Ситуация, о которой вспоминает Лампа, описана в книге Дарьи Донцовой «Огнетушитель Прометея», издательство «Эксмо».]. Что из этого получилось, рассказывать не хочется, но в процессе подготовки к съемкам я познакомилась с милой женщиной-костюмером Еленой Гвоздевой. Недавно Лена приехала поздно вечером ко мне домой и попросила помочь, как она сказала, «интеллигентной девушке, которая оказалась в беде». Сначала Леночка упорно не называла имени бедняжки, говорила о ней в третьем лице, но потом расплакалась и выложила всю правду.

…У Гвоздевой есть дочка, обожаемая Настенька. Матерью Лена стала едва закончив школу, и хотя родители с пеной у рта уговаривали ее отказаться от ребенка, забрала его домой. Семья Гвоздевых жила в крошечной «трешке». В одной комнате ютились старшая сестра Лены с мужем и сынишкой, во второй проживали бабушка с дедушкой, а Елена обитала вместе с родителями в третьей. Кухня у них была пятиметровая, санузел совмещенный, прихожая отсутствовала, ее заменял тридцатисантиметровый коридорчик и холл размером с десертную тарелку, куда выходят двери всех комнат. Понимаете, как Гвоздевы обрадовались появлению в их рядах нового члена семьи, постоянно, днем и ночью, отчаянно орущего?

Выстроившись, как немецкие псы-рыцари, «свиньей», родичи пошли в атаку на вчерашнюю школьницу. Они говорили о необходимости получить высшее образование, о тесноте жилья и больших расходах, связанных с воспитанием чада, об отсутствии у Леночки работы, о диабете бабушки, гипертонии дедушки, вечных скандалах в семье старшей сестры и в один голос твердили:

– Девочке будет лучше в приюте, ее оттуда непременно возьмут обеспеченные люди. А ты, став постарше, выйдешь замуж и родишь себе в законном браке другого ребеночка. Не надо воспитывать ублюдка, которого по глупости произвела на свет невесть от кого.

Бедная Лена пару месяцев молча слушала эти песни, а потом взорвалась и высказала близким все, что думала. Мол, диабет у бабушки от бесконечного обжорства, гипертонию дедушка заработал запоями, с мужем сестра живет плохо, потому что она по характеру шотландская волынка – нудит с утра до вечера, а квартира у них маленькая из-за отца, просадившего в игральных автоматах деньги, вырученные от продажи жилплощади его покойной матери, на которые Гвоздевы планировали расшириться. Младенец не виноват в несчастьях семьи.

Разразился феерический скандал, в процессе которого мать прокляла дочь, а отец вышвырнул Лену на улицу вместе с отчаянно вопящим кульком, выкрикнув на прощание доброе напутствие:

– Сдохнешь под забором, домой не возвращайся!

Но Леночка не умерла. Она, правда, так и не получила высшее образование, но вышла удачно замуж за Никиту Мельникова. Супруг работал на телевидении и пристроил туда же жену костюмером. Никита любил крохотную Настеньку, баловал своих женщин, но, к сожалению, будучи на тридцать лет старше Лены, умер на седьмом году брака. В наследство Лене достались две квартиры и небольшая дачка. Гвоздева после похорон Никиты не впала в уныние, стала пахать на нескольких программах, пыталась заработать, где могла, обеспечивала любимую дочку, возила ее на море, покупала ей одежду, красивые игрушки, считала Настю лучшим ребенком на свете, а когда та перешла в пятый класс, начала собирать деньги на ее высшее образование. Лене самой не удалось получить диплом, но ее любимая Настюша обязательно должна поступить в институт. Годы, когда дочка ходила в школу, были для Гвоздевой, несмотря на материальные трудности, очень счастливыми. А потом богиня судьбы, видимо, решила: хватит приносить Елене пирожные со взбитыми сливками на блюдечке, надо добавить к ним немного сапожного крема…

Елена прервала рассказ, достала из портмоне фото и положила на стол.

– Смотри, это Настюша, снимок сделан пару месяцев назад. Правда, она на редкость хороша собой?

– Красавица, – покривила я душой, разглядывая самое заурядное лицо и думая, что девушка с такой внешностью сольется с толпой.

Гвоздева погладила фото рукой и продолжила свою историю.

…В шестнадцать лет Настя связалась с плохой компанией и пошла по кривой дорожке. Слава богу, девочка не пристрастилась ни к алкоголю, ни к наркотикам, не стала проституткой, не заболела СПИДом. Она просто влюбилась в красавца цыгана Костю Леонова, промышлявшего воровством, привела парня в родной дом и стала его верной помощницей.

Бедная Лена, больше всего на свете не хотевшая походить на свою мать, некогда вытурившую ее из дома, вытерпела все: приезд к ней в квартиру табора, Костю, разгуливавшего по квартире почти голым, вечно пустую коробочку в комоде, куда костюмерша аккуратно складывала заработанные деньги, табачный дым, плотной завесой висевший теперь в «двушке», истеричные вопли Насти: «Мама, ты обязана подружиться с Костей! Мне плохо оттого, что два дорогих мне человека не могут найти общий язык!»

Сцепив зубы, Лена говорила себе: «У девочки любовь. Но через пару лет чувство пройдет, и все изменится. Если я сейчас буду протестовать, скажу: «Настя, это моя квартира, пусть твой хахаль ведет себя прилично», – она оскорбится, и наши отношения станут враждебными. Ничего, потерплю, зато дочка будет любить меня по-настоящему».

Может, так бы оно и было. Но однажды Настя не вернулась домой, а вскоре Гвоздевой позвонили из полиции и сообщили об аресте ее дочери. Та пыталась вынести из бутика дорогую одежду, «забыв» заплатить за нее на кассе.

Едва за Настей захлопнулась дверь камеры следственного изолятора, Костя испарился. Покидая квартиру Лены, цыган прихватил не только свое имущество, однако Гвоздева не расстроилась, лишившись любимых вещей. Она решила: слава богу, мерзкий мужик исчез, теперь Настя узнает ему цену, и все будет хорошо. Надо только нанять ушлого адвоката, чтобы вызволить дочь из беды, и забыть этот кошмар.

К сожалению, Настеньке на момент кражи уже исполнилось восемнадцать. Юрист, которого посоветовали Лене приятельницы, оказался неопытным, а судья вела себя на процессе как злобный, давно не кормленный носорог. Наивная мать полагала, что Настю освободят прямо в зале суда. Ну разве вина девочки так уж велика? Она никого не убила, не ранила, не изнасиловала, не

нападала на людей с ножом, просто, надев на себя неоплаченные шмотки, попыталась выскользнуть на улицу. За это не следует сажать за решетку, хватит штрафа и общественных работ. Ну пусть Насте прикажут год бесплатно убирать тот бутик, она тут же возьмется за тряпку. Девушка давно раскаялась, горько рыдает на скамье подсудимых и на все вопросы отвечает фразами:

– Ой, простите меня, я больше никогда не буду! Никогда! Никогда! Я не хотела! Я случайно!

Лена была совершенно уверена, что после оглашения приговора увезет дочку домой. Даже купила обожаемый Настюшей торт «Полет» и поставила его в холодильник. Поэтому после слов судьи: «Приговаривается к четырем годам лишения свободы…» – Гвоздева онемела.

Настенька закричала:

– Мама! Помоги! Сделай что-нибудь, иначе я повешусь!

А Лена не могла даже моргнуть. Четыре года? За попытку унести джинсы и топик? Такое возможно?

Настя отсидела не весь срок, ее выпустили по УДО[4 - Условно-досрочное освобождение – лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести (верхний предел срока заключения 5 лет), могут выйти на волю, отсидев не менее 1/3 срока; если преступление тяжкое – отбыть следует не менее половины срока, а при особо тяжком – 2/3.]. Дочь вернулась домой, и у Лены при взгляде на нее сжималось сердце. Веселая, активная, энергичная, шебутная Настенька превратилась в молчаливое, испуганное существо, покорно произносящее: «Как хочешь, мама, так и сделаю».

Мать упросила дочь поступить на заочное отделение факультета журналистики и сказала ей:

– Никому не рассказывай о том, что сидела, начинай жизнь с чистого листа, учись, получай диплом.

– Как хочешь, мама, так я и сделаю, – стандартно отреагировала Анастасия.

Костюмерша надеялась, что Настюша заведет хороших друзей, оживет, снова научится смеяться. Но дочка никуда из дома не выходила. Лишь раз в неделю ездила в институт, сдавала выполненное задание. Все остальное время она сидела в квартире.

«Ей надо пойти на работу», – решила Лена и попыталась пристроить дочку на свой телеканал администратором. Но в отделе кадров, увидев отметку об условно-досрочном освобождении, мигом соврали: «У нас вакансий нет».

Не взяли Настю и в риелторское агентство, страховую компанию, косметическую фирму, распространяющую товар через сеть агентов. Мать почти впала в отчаяние. И тут вдруг в одно из шоу, где Лена работает костюмершей, в качестве гостьи пришла известная правозащитница, основатель и руководитель фонда «Новая жизнь» Нина Феликсовна Зуева.

Она была очень откровенна с ведущим, рассказала свою биографию:

– Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я тяжело заболела туберкулезом, непонятно где подцепив заразу, и попала сначала в больницу, потом в санаторий. В общей сложности период лечения длился около двух лет. В палате я познакомилась с Наташей, бывшей заключенной. Мы были почти ровесницы, но как разнились наши судьбы! Ната по глупости утащила у женщины кошелек, за что ей дали восемь лет. На зоне девушка заразилась палочкой Коха и была отправлена в больницу. После выписки из санатория мы с Наташей продолжали дружить, и я знала, как тяжело ей приходится: своей квартиры нет, нигде бывшую зэчку на работу не принимают… Наташа пыталась выжить, а потом сломалась и покончила с собой. Я же поклялась, что в память о ней буду помогать самым отверженным гражданам страны. Почти десять лет назад я организовала фонд, который поддерживает заключенных, вышедших на свободу. К сожалению, мы не можем протянуть руку помощи всем, наши возможности пока ограниченны, сейчас принимаем к себе только тех, у кого нет родственников и жилья. Кроме того, человек должен сам хотеть изменить свою судьбу и быть готовым много работать и упорно учиться. Те, кто попадает под эгиду фонда, получают комнату в доме Доброй Надежды, так мы называем наше общежитие, работу, питание, одежду, а в перспективе, если попечительский совет увидит, что человек действительно покончил с криминальным прошлым, готов к нормальной самостоятельной жизни, стремится стать достойным членом общества, у него появится шанс получить с нашей помощью свою квартиру.

Лена выслушала выступление Зуевой, подождала, пока она отправится в гримерку переодеваться, и бросилась за ней.

Глава 4

Зуева оказалась сострадательной женщиной. Выслушав рыдающую Лену, она сказала:

– Очень хочу вам помочь. И могла бы взять Настю на работу в свое дизайнерское бюро, у нас как раз вчера освободилась ставка, сотрудница уехала с мужем на ПМЖ в США. Но вот места в общежитии нет, у нас полный комплект постояльцев. Фонд существует на пожертвования и на то, что мы с моим сыном Вадимом зарабатываем. По счастью, нам от родственников достались две большие квартиры на одной лестничной клетке, их мы и превратили в дом Доброй Надежды для бывших заключенных. Хочется помочь всем, но мы можем принять лишь ограниченное число женщин и мужчин. Для вашей Анастасии уголка сейчас не найдется.

– И не надо! – закричала Гвоздева. – Дочка живет дома, у нее есть собственная комната. И кормить, одевать ее нет необходимости. Настенька не станет для вас обузой, ей лишь требуется работа.

Нина Феликсовна нахмурилась:

– Елена, основное правило нашего фонда – помогать тем, у кого нет любящих родственников, средств к существованию и жилья. Анастасия же находится в не столь бедственном положении. Если мы возьмем вашу дочь под опеку, кто-то из нуждающихся останется на улице.

– Мама, – сказал вдруг присутствовавший при беседе Вадим, – давай один раз изменим своим правилам. Пусть Настя проработает год в нашем дизайн-бюро секретарем. Там как раз есть место. Потом ты дашь ей рекомендацию, и Гвоздеву без проблем примут на службу в какую-нибудь контору. Молодой девушке трудно начать карьеру, кадровики не хотят брать людей без опыта, да еще после отсидки.

Елена упала на колени.

– Нина Феликсовна, всю жизнь за вас молиться буду, помогите!

– Что вы делаете? Встаньте скорей, – испугалась Зуева, – нельзя ни перед кем ползать на коленях, это унижает. Ладно, сделаем исключение, пусть Настя завтра к десяти утра приходит в офис, она принята на службу. Но ей, несмотря на особое положение, придется выполнять наши требования – помогать по хозяйству в общежитии, не курить, не употреблять алкоголь, заниматься самообразованием. Мы тщательно воспитываем тех, за кого несем ответственность. И вот еще что: на квартиру Гвоздева претендовать не сможет.

– Настюша вас никогда не подведет, – всхлипнула Лена. – Дай вам бог здоровья и удачи!

Работа оказалась не сложной, а Зуевы совсем не вредными начальниками. Платили, правда, копейки. Но Лена без устали твердила дочери:

– Тебе сейчас нужно заслужить хорошую характеристику, через год-полтора ты перейдешь на другую работу, будешь получать нормальные деньги.

И Настенька старалась. Она попросила мать купить ей книг по оформлению интерьеров, тщательно проштудировала их, говорила о том, как интересно помогать людям делать их дома красивыми и уютными. А самое главное – стала снова улыбаться.

Лена радовалась, что дочь ожила, не возражала, когда она затеяла перестановку в квартире и сшила новые занавески. Старшая Гвоздева опять стала счастливой. Но, видно, богиня судьбы за что-то крепко осерчала на нее.

В начале апреля Настя пришла домой притихшая, отказалась от ужина, а потом сказала:

– Я больше не хочу работать с Зуевыми.

– Почему? – поразилась мать.

– Мало платят, обязанностей много, а Нина с Вадимом ни черта в оформлении интерьера не смыслят, – перечислила свои претензии Анастасия. – Я прочитала кучу книг и сейчас понимаю: Зуевы клиентам глупости говорят. Ты бы видела, какую жуткую мебель в их мастерской бывшие зэки мастерят. Знаешь, что они делают? Берут на фабрике диван или кресла по дешевке, обтягивают их новой тканью, слегка изменяют форму, скажем, поролона насуют в спинку, и впаривают клиентам как изделие штучной, ручной работы. Или стол обдерут и заново красками распишут. Жуть черная!

– Не всем по карману из Италии эксклюзив заказывать, – встала на защиту Нины Феликсовны Лена. – Кому-то нравится и по карману то, что предлагают Зуевы. Вадим и Нина святые! Надеюсь, ты не сказала людям, которые тебе в трудную минуту руку помощи протянули, того, что мне? И нельзя бросать работу, не найдя новое место.

– Я открою свое агентство, – заявила вдруг Настя. – Да, да, прямо сейчас начну искать помещение для офиса. Главное, чтобы оно находилось на северо-западе Москвы, лучше всего на Ленинградском или Волоколамском шоссе, или на прилегающей к ним улице. Ну-ка…

Девушка бросилась к ноутбуку, постучала по клавиатуре и воскликнула:

– Да тут уйма предложений! Мне понадобится месяц на организацию. Мама, не нервничай, клиенты тучами потянутся. Ты уйдешь из телецентра, станешь мне помогать.

Лена всегда поощряла любые инициативы дочери, но тогда решила спустить неразумное дитятко с небес на землю:

– Солнышко, любой бизнес требует первоначального капитала. Придется вложить немалые деньги, и лишь потом проект, вероятно, станет приносить прибыль. Где найти средства?

– Это ерунда, – отмахнулась Настя и, напевая веселую мелодию, продолжила рыться в Интернете.

Елена посмотрела на оживленную дочь и проглотила замечания, так и рвущиеся на язык. Настенька очень увлечена своей идеей и пусть разрабатывает ее.

Конечно, денег на старт проекта у Гвоздевых нет, но должна же быть у человека мечта. Это прекрасно, что Анастасия полна планов и желаний. Слава богу, девочка окончательно оправилась после пребывания на зоне…

Вскоре Настя огорошила мать сообщением:

– Я нашла прекрасное помещение в подходящем месте. Внесу задаток, чтобы его другим не сдали.

– Настя, где ты возьмешь нужную сумму? – испугалась Елена.

– Кредит оформлю, – засмеялась дочка. – Ни о чем не волнуйся. Я не маленькая.

А спустя два дня после той беседы к Гвоздевым явилась полиция и арестовала Настю по подозрению в воровстве. Выяснилось, что у Нины Феликсовны пропало очень дорогое старинное кольцо, доставшееся ей от прабабушки. Лена бросилась к Зуевой, и та рассказала, как развивались события.

В пятницу Нина Феликсовна вместе со своей знакомой Валей Колиной собиралась отправиться в Большой на балет. Зуева мечтала попасть в отремонтированное помещение любимого театра, но достать билеты на вечер ей не удалось, пришлось довольствоваться дневным представлением. А в десять утра ей, уже одетой для посещения спектакля, пришлось заскочить в общежитие, оттуда позвонила управляющая Лариса Малкина и сообщила:

– У нас форс-мажор, Кирилл Найденов напился. Не знаю, что делать. Он буянит, скандалит. Полицию вызывать боюсь, он же по УДО вышел.

Зуевой пришлось самой ехать в дом Доброй Надежды. Сын Вадим отправился, как назло, на швейную фабрику, где фонду обещали бесплатно отдать бракованные полотенца.

Найденов действительно был мертвецки пьян. Но парень не бушевал, лежал трупом, так ему было плохо. Зуева велела Ларисе подождать, пока подопечный протрезвеет, и объяснить ему, что он налился водкой в последний раз.

– Сейчас ограничимся устным порицанием, – решила Нина Феликсовна, – но если сей «гнилой фрукт» опять схватится за бутылку, исключим его из программы. Сотрудники фонда никогда не станут тратить время, деньги и силы на человека, который не желает использовать предоставленный ему шанс.

– Надеюсь, Найденов быстро оклемается, я сделала ему отрезвляющий коктейль. – Малкина взяла со стола литровую стеклянную кружку.

– Что это? – спросила Зуева. – Цвет какой-то странный, бордово-фиолетовый. Кирилл не отравится?

– Тут одни полезные составляющие, – заверила Лариса. – Смесь томатного и свекольного соков с огуречным рассолом, перец черный, чили, уорчестерский соус, горчица и хрен. Это мертвого на ноги поставит. Сейчас попробую его напоить…

Малкина сделала пару шагов, поскользнулась на влажном, только что протертом ею же полу и шлепнулась, не выпуская из рук кружку с питьем. Содержимое выплеснулось основательнице фонда прямо на грудь. Зуевой пришлось идти в душ. В театр она так и не попала – ехать домой переодеваться времени не осталось.

Нина Феликсовна выстирала одежду, увидела, что та безнадежно испорчена, попросила у Ларисы халат и завернулась в него. Домой Зуева отправилась ближе к вечеру. Как вы догадываетесь, настроение у нее было совсем не радужное.

Только на следующий день в районе полудня благотворительница сообразила, что при ней нет драгоценного кольца. Она позвонила Малкиной и попросила:

– Сходи в санузел и забери мой перстень.

Зуева, не раз забывавшая на полке у рукомойника кольцо и всегда получавшая его обратно, ни на секунду не усомнилась, что оно мирно лежит у зеркала. Но Лариса тут же ответила:

– Прости, я сегодня многократно заходила в ванную и не видела там перстня.

Зуева вновь не забеспокоилась:

– Поищи как следует и спроси у ребят, кто-то мою цацку унес и сберег.

Поговорив с Малкиной, она поехала по делам. День выдался хлопотным, времени на повторный звонок Ларисе не нашлось. Около семи вечера Нина Феликсовна прибыла в общежитие и ахнула – там находились двое полицейских. Оказывается, Лариса обыскала ванную, опросила подопечных, не обнаружила кольца и вызвала полицию. Подозрение пало на Настю. Почему? Давайте узнаем, как разворачивались события.

Накануне дня, когда Нина Феликсовна не смогла попасть в театр, Малкина заявила Гвоздевой и Найденову, что им завтра предстоит мыть в общежитии окна, а остальной народ сразу после работы отправится в цирк. Узнав о таком решении Ларисы, Настя не скрыла своего недовольства:

– Зачем мне полировать стекла, когда другие будут веселиться? Я здесь не живу.

– Потому что ты тоже участница программы и должна подчиняться общим правилам, – разъяснила Малкина.

В назначенный день в полдень Гвоздева пришла в дом Доброй Надежды. Представьте ее негодование, когда она увидела, что Найденов, который должен был работать в мужских спальнях, напился и вырубился. Выходит, ей надо пахать одной? Но делать нечего, Настя взялась за тряпки и до вечера исправно отмывала стекла от грязи. В какой комнате она находилась в тот момент, когда к пьяному Кириллу примчалась Нина Феликсовна, ни Лариса, ни Зуева не знали.

А теперь начинается самое интересное.

Глава фонда уехала домой в половине четвертого. В девятнадцать часов хмурая Настя отчиталась управляющей о проделанной работе и мрачно спросила:

– Можно душ принять? Я вспотела как Жучка.

Лариса ответила:

– Да, конечно. Ступай в ванную, чистые полотенца в шкафу в коридоре.

В половине восьмого Настя, неожиданно повеселевшая, с улыбкой на лице подошла к Малкиной и сказала:

– Ну, я потопала.

– Конечно, – кивнула Лариса, – отдыхай.

В начале девятого Кирилла опять стошнило, управляющая в очередной раз понесла в санузел испачканный таз. И она отлично помнит, что никакого кольца ни на раковине, ни на стеклянной полочке над ней не было. Обитатели общежития вернулись из цирка около двадцати трех. Ну и кто попал под подозрение? Ясное дело, Настя. Потому что остальные жильцы квартиры были в цирке. В доме Доброй Надежды находились Зуева, Малкина, Найденов и Гвоздева. Кирилл лежал мертвецки пьяным. А управляющая отлично помнила, какой злой была Анастасия, уходя в ванную, и какой веселой она оттуда выпорхнула. Поэтому Лариса, не посоветовавшись с Ниной Феликсовной, вызвала полицию. Парни в форме неожиданно проявили оперативность, быстренько разослали по скупкам описание пропавшей драгоценности. Далее события развивались со скоростью лавины, сходящей с гор.

Вскоре раздался звонок от Марианны Гаджиевой, владелицы небольшого ломбарда. Она сообщила, что указанное колечко вчера вечером ей сдала… Анастасия Гвоздева. Она предъявила паспорт с московской регистрацией, получила деньги и ушла. Проверка тут же выявила, что девушка ранее привлекалась за кражу вещей из бутика и была освобождена по УДО. У полицейских отпали последние сомнения, Гвоздеву задержали.

Настя не стала отрицать, что посещала скупку. Но утверждала, будто выиграла кольцо у наперсточника, который стоял на первом этаже торгового центра, расположенного у метро. Мол, она шла к станции, ее остановил очень симпатичный черноволосый и темноглазый парень с небольшой бородкой и усами, наговорил ей комплиментов, пригласил в кафе, работавшее в магазине. Он ее словно загипнотизировал, Анастасия вошла в холл универмага, и тогда новый знакомый предложил ей сыграть в наперстки. Он шепнул:

– На кону дорогое кольцо, я никогда не проигрываю. Но ты попробуй, вдруг, ослепленный твоей красотой, я ошибусь. Ты прекрасна, как Шахерезада!

Настя поняла, что очень понравилась парню. Красавец, в свою очередь, произвел впечатление на нее. Короче, девушка согласилась. А потом наперсточник глазами показал ей на перевернутый вверх дном стакан, под которым лежал выигрыш.

– Да ты еще и счастливая! – засмеялся он, когда Гвоздева взяла перстень. – Видишь вон там вывеску: «Ломбард»? Иди туда, за кольцо много денег дадут. Что ты завтра вечером делать собираешься? Приглашаю тебя в кино.

Анастасия поспешила в ломбард, думая, что получила в подарок бижутерию максимум тысячи за три. Но симпатичная женщина в скупке сразу выдала ей аж двадцать пять тысяч рублей.

Впрочем, если знать, что реальная стоимость перстня никак не меньше пары миллионов, то Гаджиева вовсе не альтруистка. Итог этой истории: Настя в СИЗО, в ее виновности никто не сомневается, будет суд, девушку заставят досиживать старый срок и еще навесят новый.

Глава 5

– Зачем ты ко мне пришла? – спросила я у Елены, когда та завершила свой рассказ.

– Настенька не крала колечко, – заплакала костюмерша, – ее подставили.

Мне стало безмерно жаль Гвоздеву. Тяжело осознавать, что твой любимый ребенок не хочет жить честно. Но, наверное, когда-нибудь нужно снять розовые очки.

– Кто и по какой причине мог навредить Насте? – поинтересовалась я.

Лена навалилась грудью на стол и зашептала:

– Не знаю. Мне разрешили недолго поговорить с дочкой, и я поняла, что она не врет. Настюша спросила: «Мама, зачем бы мне показывать в ломбарде свой паспорт? Я же не дура, отлично понимаю, что украденное будут искать, вызовут полицию, а та первым делом к барыгам обратится. Я на зоне сидела. Знаешь, сколько таких историй наслушалась? В Москве полно людей, которые у тебя любую вещь возьмут и никаких вопросов не зададут, документы не спросят. А Нина Феликсовна сто раз перстень на полочке бросала. Пойдет руки мыть, снимет его и забудет. Кто-нибудь кольцо найдет и Ларисе отдает. Я сама несколько раз колечко Малкиной приносила. С чего бы мне его сейчас красть? Я совсем идиотка, что ли?» Тогда я попросила дочку поклясться моим здоровьем, что она ни при чем. И Настена сказала: «Чтоб тебя парализовало, если я вру. Чтоб мне следующие тридцать лет с ложечки тебя кормить и в памперсы одевать». Лампа, помоги! Пожалуйста, спаси Настеньку!

– Странная история, – пробормотала я. – Понимаешь, наперсточники никогда не проигрывают, это фокусники с чрезвычайно ловкими руками.

– Моя доченька красавица! – воскликнула костюмерша. – Я же тебе объяснила, Настя понравилась мужчине, он и решил ей подарок сделать.

– Леночка, украшение стоит миллионы, – напомнила я, – такое на кон не ставят.

Гвоздева схватила меня за руки.

– Помнишь, я говорила тебе про цыгана Костю? Который мою девочку на кривую дорожку сбил? Настюша рассказала, что он ювелирку воровал, но цены ей не знал, подчас дорогущий браслет за пару сотен скупщику отдавал. Вот, смотри, у меня с собой фото Зуевой с перстнем на руке, я взяла его из журнала. Ну и как он тебе?

– Я плохо разбираюсь в стоимости украшений, – призналась я. – А по снимку тем более трудно определить цену. Но если камень в середине настоящий бриллиант, то изделие очень дорогое.

– Правда, брюлик на горный хрусталь похож? – наседала Елена.

– Хм, если ориентироваться по иллюстрации в гламурном издании, то да, – осторожно согласилась я.

– Ага! – заликовала костюмерша. – Откуда простому мошеннику знать, как выглядит истинный алмаз? Наверняка наперсточник подумал, что в его жадные руки попала бижутерия, и решил использовать кольцо, чтобы подкатиться к юной красавице. Все эти Махмуды такие.

– Ты знаешь этого типа? – удивилась я.

Елена потерла виски пальцами.

– Конечно, нет.

– Назвала его сейчас по имени, – сказала я.

Гвоздева махнула рукой:

– Да просто вырвалось. Настена упомянула, что тот парень не русский – волосы темные, кожа смуглая.

Я отвернулась от нее и включила чайник.

История все больше и больше смахивает на беззастенчивую ложь. Ладно, с натяжкой можно предположить, что малограмотный наперсточник принял раритетный бриллиант за искусно сделанный страз и решил привлечь к себе внимание Насти. Вот только ее никак нельзя назвать суперкрасавицей. На фотографии, которую Лена в начале нашей беседы выложила на стол, запечатлена самая обычная москвичка с круглыми глазами, носом-картошкой и тонкими губами. И маленький нюанс – парень родом с Востока или с Кавказских гор никогда не примет за юную красавицу девушку, разменявшую двадцать первый год. А Настя выглядит даже чуть старше своего возраста. Ладно, пусть ловкорукий мошенник любит девиц типа Насти и ни черта не смыслит в драгоценных камнях. Но как к нему попало кольцо Зуевой, а?

Лена раскрыла сумку и выложила на стол пачку денег. Далеко не новые тысячные купюры были любовно сложены и перетянуты розовой детской

махрушкой.

– Ира Звягина сказала, что ты лучший детектив России, за какое сложное дело ни возьмешься – размотаешь. Не из милости тебя работать прошу. Здесь шестьдесят три тысячи, я их на поездку в Турцию копила.

У меня защемило сердце и одновременно я разозлилась на Иру. Ну вот зачем она обнадежила Лену? Я ничем не смогу ей помочь. Ведь даже пасхальному зайчику понятно, что Настя сперла кольцо Зуевой, а теперь, пытаясь оправдаться, придумывает охотничьи байки.

– Настюша поклялась моим здоровьем, – твердила костюмерша, – значит, не врет. Девочку впутали в ужасную историю. Пожалуйста, помоги!

Я старалась не смотреть гостье в глаза. Мне-то отлично известно: некоторые люди готовы родную мать продать, чтобы не нести ответственность за совершенное преступление.

Гвоздева взяла деньги и стащила с пачки махрушку.

– Если этого мало, скажи, сколько надо, я займу. Видишь, не тоненькой резиночкой пачку перетянула, она может купюру разорвать, взяла детскую, потолще, от нее ассигнации не мнутся.

Я откашлялась.

– Лучше пригласи опытного адвоката.

– Не доверяю я им, – отрезала Елена. – Один раз уже обратилась к законнику, и Настене несправедливый приговор вынесли. Ты моя последняя надежда. Ирка так сказала: «Проси Романову, в ноги ей кланяйся, руки целуй, хороший гонорар предлагай. Если она возьмется, спасет Настю».

Мне захотелось убить Звягину. А Гвоздева тем временем методично считала купюры.

– Одна тысяча, две, три… восемь… пятнадцать… двадцать…

С каждым ее словом мне делалось все гаже и гаже.

– Вот, ровно шестьдесят три, – объявила Лена. Вновь перетянула пачку резинкой и положила около моей чашки. – Расписки не надо.

Мой взгляд упал на потрепанную махрушку, на замусоленные купюры… и я внезапно согласилась:

– Хорошо.

– Господи, ты услышал мои молитвы! – со слезами на глазах воскликнула Гвоздева. – Настеньку освободят.

Я опомнилась.

– Лена, давай с тобой так договоримся. Денег за работу я не возьму, близким знакомым помогаю бесплатно.

– Нет, нет, – возразила Лена, – ты частный детектив, а я клиент.

– Оплаты не надо, – повторила я, – но есть одно условие. Я постараюсь выяснить, кто совершил кражу. А ты спокойно выслушаешь мой отчет. Но если твоя дочь все же замешана в этой некрасивой истории, ты должна принять горькую истину.

Лена улыбнулась.

– Настюшу оклеветали, материнское сердце не обманешь.

– Хорошо, кабы так, – пробурчала я себе под нос, мечтая стукнуть Звягину чем-нибудь тяжелым.

После ухода Гвоздевой я задумалась: как же ей помочь? С чего начать расследование?

Собственно, заняться им возможность есть. Макс улетел в командировку, все заботы о Кисе лежат на плечах Розы Леопольдовны, Егор с классом отправился на майские праздники в Италию. У меня образовалась уйма свободного времени. Что ж, пожалуй, для начала надо сходить в торговый центр, где, по словам Насти, на редкость щедрый и любвеобильный наперсточник подарил ей кольцо.

На первом этаже огромного здания располагались рыночные ряды. Я внимательно осмотрелась, увидела тетушку в белом халате, перед которой на прилавке лежали маленькие пачки макарон, подошла к ней и спросила:

– Почем «спагетти»?

– Двести рублей, – заявила продавщица.

– Ну и цена! – поразилась я. – То-то к вам никто не подходит.

– Хозяин жлоб, – рассердилась женщина. – Ваще от жадности одурел! Сколько разов говорила ему: «Сбавь цену, не проси столько, сейчас килограмм хорошей лапши можно за пятьдесят тугриков купить, а у тебя в пачке сто грамм». Нет, уперся рогом.

– Серая она какая-то, – закапризничала я, – похоже, не из твердых сортов пшеницы. Кто производитель? Италия?

Торговка прищурилась.

– Дерьмалия. Нанял шеф каких-то гастарбайтерш, они машинку вроде мясорубки крутят, потом колбаски нарезают, сушат, а два мужика их в целлофан закатывают. Не бери, еще отравишься.

– Здорово вы свой товар рекламируете, – развеселилась я. – Вам от владельца свечного заводика не влетит?

– Где ты тут свечи видишь? – не оценила мою шутку тетка. – Сегодня последний день кукую. Объявил жадобина с утра, что теперь продавцам за смену меньше платить будет. Ну я и решила: получи, фашист, гранату, уйду от гада. А за сегодняшний день выручки ему не видать. Всем правду про его, прости господи,

продукцию расскажу. Хочешь нормальные спагетти? Рули в супермаркет, там Италию возьмешь, а не говно-лапшу.

– Спасибо за совет, – улыбнулась я. – Желаю вам побыстрее найти хорошую работу.

– И тебе денег побольше, – не осталась в долгу тетка.

– Вы каждый день здесь стоите? – поинтересовалась я.

– Целый год тут торчала без выходных и праздников, – пожаловалась продавщица.

– У моей сестры здесь не так давно наперсточник большую сумму выманил, – вздохнула я. – Не знаете, где этот гад стоит? Хочется ему пару ласковых слов сказать.

– Тю! – всплеснула руками торговка. И вдруг заорала: – Саша, Саша, Саша!

– Ну и что тебе надо? – сильно растягивая гласные, спросил, подходя к нам, красивый черноволосый парень, одетый в короткую черную кожаную куртку, обтягивающие джинсы и лаковые узконосые ботинки. – Чего вопишь? Кто обидел?

– Зря Заур тебя смотрящим на первой этаж поставил, – не утихала тетка. – Вот при Димке порядок был железный. А у тебя наперсточники орудуют.

– Нет такого! – вскипел Саша. – Я их близко сюда не подпускаю, чтобы покупателей нам не отпугивали.

– Вот у нее кидалы деньги выманили, – показала на меня пальцем бабенка.

Саша нахмурился.

А я завела свою историю, придумывая на ходу:

– Сестра всю получку проиграла, в больницу на нервной почве попала. Хороший у нас с ней праздник получился, ничего не купить!

Парень спросил:

– Где он стоял? Как выглядел?

– На первом этаже неподалеку от ломбарда, кавказец, – отрапортовала я.

Саша неожиданно обиделся:

– Почему сразу Кавказ, а? Если волосы черные, глаза карие, то сразу наш? Может, он таджик-урюк-узбек или еврей? А?

Я изобразила негодование:

– Мне национальность и гражданство мошенника без разницы, пусть он даже из Гондураса. Денег жалко.

– Зачем твоя сестра играла? – напал на меня Саша. – Шла бы мимо!

– А зачем у тебя тут наперстки? – налетела на парня торговка. – Димка с отребьем не корешился, поганой метлой вон их гнал. И лотерейщиков тоже. А ты в доле с уродами.

– Вай, женщина! Прикуси язык! – разозлился Саша. – Иначе с этого места к туалету уедешь!

– Да хоть ваще к унитазу поставь, – захохотала баба. – Напугал до смерти, ща зарыдаю. Видела я того наперсточника, не хотела только говорить, не люблю в чужие дела лезть. Да, похоже, день у меня сегодня такой правдивый. Кантовался мужик вон там, около Алиски, которая сахарной ватой торгует. Зараза жуткая, есть ее, вату то бишь, стремно, враз желудок отвалится. Чернявенький такой, из ваших, лет ему немного. Ну, может, двадцать с небольшим. Я еще удивилась, чего он под закрытие припер. Встал в районе половины восьмого, когда народа совсем нет. Распрекрасно я его запомнила, потому что Димка давным-давно этих гадов со стаканами выпер. Года три ни

один из хитроруких сюда не заглядывал. А тут гляжу, приперся со столиком. Ну, думаю, новый смотрящий или пофигист, или свой интерес имеет. Сначала, значит, разрешил сученышу пару часов до закрытия пошакалить, а там и с утра пустит. Чего ты буркала выпучил? Решил, что жизнь удалась? Можно химичить? Слышала я, как Заур нового смотрящего щучил, говорил тебе: «Чтоб на моей территории никакого криминала! Если кто кошелек сопрет, с тебя спрошу. Лотерейщиков, наперсточников, шваль всякую близко сюда не подпускать!» И не пугай меня плохим местом, я сегодня тут последний день. А тебе Заур глаза на ж… переставит.

– Эй, замолчи, женщина, а? – ожил Саша. – Впервые про стаканы слышу!

– Ах ты жук! – зачастила тетка. – Врун!

Глава 6

Пока голосистая торговка отчитывала местного «смотрящего», я бочком отошла и приблизилась к симпатичной девушке, стоявшей у прозрачного куба, в котором готовилась сахарная вата.

– Вам большую порцию? – весело спросила она.

– В детстве я очень это лакомство любила, – улыбнулась я. – Им в Феодосии, куда мы с мамой летом ездили, на каждом углу торговали. Но сейчас не съем ни кусочка, очень уж сладкое.

– Взрослые редко берут, – согласилась продавщица, – в основном дети хватают.

– Алиска, разменяй пять тысяч! – закричали слева.

– Откуда у меня такие деньги утром в будний день? – заорала в ответ девушка. – Спроси у Светки.

– Скажите, пожалуйста, вы тут недавно наперсточника случайно не видели? – спросила я.

– А что? – в свою очередь поинтересовалась Алиса.

– Моя сестра у него всю зарплату просадила, – горестно «призналась» я. – Полиция ничего предпринимать не хочет.

– А ты, значит, сама решила у мужика бабки отбить? – хмыкнула девушка.

– Просто хочу в глаза мерзавцу глянуть и спросить, не стыдно ему у матери-одиночки деньги отнимать. Теперь нам с мужем придется кормить родственников, – заныла я.

Алиса сдвинула брови.

– Во здорово! На будущее имей в виду: наперсточники никогда одни не работают, их всегда прикрывают. Начнешь скандалить, тебе живо лещей насуют. Хорошо свою сестру знаешь?

– Конечно, – заверила я.

– Небось она младше тебя лет этак на семь, – сочувственно сказала Алиска. – В детстве родители заставляли тебя ей уступать, заботиться о сестренке, а сейчас ты ей помогаешь, из всяких бед выручаешь, деньжат подбрасываешь. Как же, она ведь Крошечка-Хаврошечка, наивная, добрая, ее вечно обманывают. Так?

– Ну, – протянула я, – ты как в воду глядишь.

– Да у меня такая же ботва, – махнула рукой Алиса. – Родители над Сонькой трясутся, а мне мозг выедают: почему мало зарабатываешь, Софьюшке надо хорошо одеваться, она у нас невеста… Врет твоя сестра, не оставляла она здесь получку!

Я от удивления открыла рот, а Алиса еще больше ажитировалась:

– Здесь наперстки не крутят. У нас за порядок отвечает Заур, а он всю шелупонь прогнал, ни лотерейщиков, ни лохотронщиков, никого на них похожего нет. Сестрица твоя свою зарплату прогуляла или купила себе чего. Потом сообразила

– жить-то не на что, вот и стала на жалость давить: ах-ах, я, бедняжечка, попала в лапы к мошеннику. Сонька такое тоже проделывала.

– Женщина, которая торгует макаронами, сказала, что не так давно около сахарной ваты стоял мошенник со стаканами, – выложила я главный козырь.

– Наташка у нас все знает, жаль, неточно, – фыркнула Алиса. – Ну, был парень, симпатичный, но он никого не обманывал.

– Кроме моей сестры, – напомнила я.

– А твоя сестра такая невзрачненькая, лицо словно ластиком стерто?

Я сделала вид, что обиделась:

– Зато она умная.

Алиса захлопнула пластиковую дверцу своей чудо-машины.

– Я еще удивилась – сама на моль похожа, а красивого мужика захомутала. Ох, от него такими духами веяло! Аромат волшебный, я никогда такой раньше не нюхала. Прямо гипноз, а не парфюм, голову кружил, одурманивал, хотелось за парнем побежать и все, что он попросит, сделать. Ладно, слушай, как дело было. Подошел он ко мне и говорит: «Ты не возражаешь, если я около тебя ненадолго встану?» Я на него посмотрела и поняла: сейчас влюблюсь. Обожаю таких мужиков – смуглый, темноволосый, глаза чернющие, бородка, усы. Мачо! Да еще эти его духи… В общем, голова у меня закружилась, еле ответила: «Устраивайся. А ты чем торгуешь?» Он заулыбался, кошелек достал, протянул мне три тысячи и предложил: «Сбегай в кафе, попей чайку, поешь пирожных. Мне надо с одним человеком тут поговорить. Будь другом! Сдачу себе оставь». Я сначала расстроилась. Значит, думаю, совсем парню не понравилась. Потом решила: деньги-то хорошие, отчего не зарулить в забегаловку. Вон она, видишь? Окна огромные, отлично и улицу, и галерею торгового центра видно. Села, смотрю. Брюнет к метро выскочил, кого-то ждет. Минут десять там топтался, а потом к девушке подошел, заулыбался, заговорил. Слов я не слышала, но по лицам парочки поняла – комплиментами красавец сыплет. Спустя короткое время они в центр зашли, а там уже разложенный стол стоял. Я так удивилась! Чего такой парень в малосимпатичной девчонке нашел? Ни кожи у нее, ни рожи, ни фигуры,

ни одежды модной, ни прически суперской. Не скажу, что уродина, такая, как все, ничего примечательного…

– Тетенька, дайте одну порцию, – пропищал рядом детский голосок.

Алиса умолкла, нажала на красную кнопку, и агрегат ожил.

– Смотри, как он ее вытягивает! – обрадовался маленький мальчик, толкая приятеля. – И наматывает!

Продавщица улыбнулась, вынула готовую вату, отдала ее юным покупателям. Затем снова повернулась ко мне и продолжила рассказ. Слушая ее, я будто видела перед собой «картинку»…

Молодой мужчина, постоянно улыбаясь, завертел по столу неизвестно откуда взявшиеся пластиковые стаканы. Продавщица сахарной ваты, сидя в кафе, удивилась: что за представление? А девушка вдруг захлопала в ладоши. Черноволосый парень протянул ей что-то, они оживленно поговорили, затем наперсточник показал рукой в сторону расположенного рядом ломбарда. Девица, одетая в дешевое ярко-розовое пальто с вышивкой, явно сшитое на коленке трудолюбивыми вьетнамцами в каком-нибудь подвале, быстро пошла в скупку.

Сгоравшая от любопытства Алиса решила во что бы то ни стало выяснить у наперсточника, что он затеял, и вышла из кафе. Но незнакомец оказался проворнее. Когда продавщица вернулась к своему автомату, ни столика, ни красавца парня там уже не было.

Раздосадованная Алиса начала глазеть по сторонам. Наступил вечер, основные покупатели сахарной ваты – дети младшего школьного возраста – уже сидели по домам, поэтому она просто ждала, когда можно будет уйти. Дверь скупки распахнулась, оттуда вышла та самая девушка в розовом пальто. Крепко прижимая к груди сумочку, она поравнялась с Алисой. Та получила возможность хорошо рассмотреть блеклое личико, которое несколько оживило выражение бесконечного счастья. Девица прошла мимо и вышла на улицу. Алиса в большое окно-витрину видела, как незнакомка села в маршрутное такси и укатила…

Алиса уперла руку в бок и завершила свой рассказ вопросом:

– Сообразила, да?

– Нет, – прикинулась я дурочкой.

– В ломбарде украшения продают, – снисходительно пояснила Алиса. – Хозяйка там Марианна. Болтают, что она краденое скупала. Вроде милая, но норовила у тебя хорошую вещь за рубль взять, а потом ценник с кучей нулей к ней привесить и дурачкам впарить. Вот муж ее, Хамид, другой. Интеллигентный, тихий, из семьи врачей. Как такого угораздило у Гаджиевых зятем стать? Хамид на ювелира учился, может любое украшение починить, оно станет как новое. А еще заказы берет на кольца-браслеты. Целый день согнувшись сидит, не пьет, не курит. Ой, он такой артист! Если кто из посторонних в ломбард заходит, прикидывается кем-то вроде Джамшута из «Нашей Раши». Смотрела эту программу?

– Нет, – ответила я, – но слышала о ней.

– Очень прикольная, – захихикала Алиса. – И, похоже, твоя сестра, как Хамид, любит комедию ломать. Не платила она наперсточнику, я хорошо из кафе видела, что девчонка свою сумку не открывала, на плече та у нее висела. А вот парень ей чего-то дал, только я не разглядела что. Фокус со стаканчиками я не поняла. За фигом наперсточник тут встал? Но уверена, моль в розовом пальто в скупке себе украшение приобрела. Видела бы ты, как она к груди сумчонку прижимала, когда к выходу спешила. За полкилометра ясно, что ценное несет. Вернешься домой, скажи ей: «Лишних денег в запасе не имею. Говоришь, тебя мошенник вокруг пальца обвел? Ну так продай серьги или браслет, которые в ломбарде купила».

– Спасибо, – поблагодарила я Алису и двинулась в скупку.

В маленькой, ярко освещенной комнатке за длинным прилавком расположился мужчина. Одни очки сидели у него на носу, вторые держались на макушке. Услышав дребезжание дверного колокольчика, он отложил кольцо и с сильным характерным акцентом произнес:

– Добрый утро, дарагая! Что хочешь?

– Говорят, у вас тут можно приобрести красивые украшения, – сказала я.

– Канечна! Сматри витрин, – дружелюбно предложил скупщик. – Золото, бриллианты, антиквариат!

– Дорого очень, – вздохнула я, рассматривая ценники со внушительными цифрами. – Мне не по карману.

Ювелир встал, взял со стола большой ящик и поставил его на полированную доску.

– Зачем расстраиваешься? Выбирай, дарагая, Хамид не обманщик. Тут не бриллианты, а стекло, но подружкам скажешь, что настоящий камень, они поверят сразу. Две вещи возьмешь – скидка!

– А где Марианна? – поинтересовалась я.

– Какая Марианна? Зачем Марианна? – зачастил Хамид. – Не знаю Марианну!

– Я заходила сюда раньше, тут женщина сидела, называлась хозяйкой, – придумала я. – Она обещала мне брошь отложить.

– Ах, Марианна… – протянул Хамид. – Нет ее, дарагая! Уехала она, теперь я тут хозяин.

Не успел он произнести последние слова, как дверь лавчонки распахнулась, на пороге возникла худая горбоносая женщина во всем черном и сразу закричала:

– Собачий сын! Не будет тебе счастья! Убил мою дочь! Сидишь теперь в магазине? Сдохни на месте!

В руках тетки неожиданно оказалась бутылка. Незнакомка размахнулась, швырнула ее в Хамида, повернулась и опрометью кинулась наружу. Я, испугавшись до крайности, тоже вылетела из лавки, ожидая, что скупка сейчас взлетит на воздух. Но ничего не произошло, зато Хамид, который появился через мгновение в дверях, выглядел и пах не самым лучшим образом. Из моей груди вырвался вздох облегчения – в бутылке был не коктейль Молотова[5 - Коктейль

Молотова – самодельная бомба с зажигательной смесью.], а фекалии. Конечно, неприятно, если тебя обливают жидким дерьмом, но, согласитесь, это лучше, чем взорваться. Во всем плохом надо искать нечто хорошее.

Выкрикивая что-то на непонятном мне языке, Хамид догнал тетку и, схватив ее за плечи, начал трясти. Я бросилась к молча наблюдающей за происходящим Алисе с криком:

– Позовите охрану!

Она посмотрела влево.

– Уже бегут. Чего Фатима сделала?

– Швырнула в ювелира склянку с дерьмом, – пояснила я.

– Во дает! – восхитилась Алиса. – Небось Фатима решила, что Хамид ее дочь Марианну убил.

– Хозяйку скупки лишили жизни? – изумилась я. – Когда? Ты мне ни слова об этом не сказала.

– Позавчера, – пояснила Алиса, наблюдая, как парни в черных кожаных куртках оттаскивают Хамида от женщины. – Любят наши люди при виде кавказцев скривиться и зашипеть: «Понаехали в столицу из аула!» Гаджиевы в столице сто лет живут. Ты сама откуда?

– Москвичка, – ответила я, – родилась тут.

– Я тоже, – сказала Алиса. – Торговый центр возвели в середине девяностых, мне лет десять тогда было. Раньше на этом месте две убогие трехэтажки стояли. Хозяин будущего магазина их расселил. Мы с мамой однушку получили, а Гаджиевы на той же лестничной клетке «трешку» огребли. Наши сплетничали, что дядя Ибрагим, отец Марианны, муж Фатимы, дальний родственник человеку, которому молл принадлежит, поэтому Гаджиевым такая хорошая жилплощадь досталась. Но мы с мамой и однокомнатной квартирке радовались. Она большая, кухня просторная и есть гардеробная-шестиметровка, пусть и без окна. Я там

себе кровать поставила, отдельная спальня у меня получилась. Дядя Ибрагим хороший был человек, он всю жизнь у народа ювелирку, столовые приборы под залог брал. Не жадничал, не вредничал, его любили. Семьи вокруг бедные, мужики все пьющие, бабы вечно к Ибрагиму носились. Сдадут серебро, потом выкупят, опять сдадут. Когда ростовщик умер, Марианна в его лавке стала хозяйкой. Это года три-четыре назад случилось. Гаджиевы уже помещение в торговом центре имели, официально ломбард открыли. Дочь не в отца пошла, она никому, даже старым знакомым, послабления не давала, жестко бизнес вела. Много о ней нехороших сплетен ходило, кое-кто вообще такие гадости говорил…

Алиса понизила голос:

– Ну, вроде Марианна с отцом ругалась, упрекала его, что он вечно людям льготы дает, долго залог назад ждет, деньги теряет. Зарима, она под Гаджиевыми живет, по секрету моей маме нашептала, что однажды вечером от них жуткие вопли неслись. А потом что-то упало, и тишина наступила. К утру «Скорая» приехала, врачи смерть Ибрагима констатировали, вроде инфаркт его разбил. Но Заримка уверена, что Марианна отцу на тот свет отправиться помогла. Бешеный характер у бабы был, как у Фатимы. Вечно Марианкина мать на всех орет, может с кулаками кинуться. Хамида она ненавидит, упрекает, мол, на ее дочери из расчета женился. А та в него влюбилась, как кошка. Другая бы мать радовалась, что Марианна от супруга без ума, и он тоже ее обожает… Вот Ибрагим к Хамиду хорошо относился, потому что тот очень талантливый ювелир. Ему в прошлом году Заур на свадьбу дочери комплект заказал, чтобы как у царицы был. Хамид в музей сходил, книгу там с фотографиями купил и такое сделал, что Зауровы гости чуть не умерли. Все решили: у невесты настоящий антиквариат из экспозиции. А это копии, хотя тоже очень недешевые. Хамид талантливый, свою работу обожает, поэтому Ибрагим его и нахваливал. А Фатима про зятя ни разу доброго слова не сказала, иначе как оборванцем его не обзывала. Ее старшая дочь вышла замуж за сына богачей, да только ничего путного не получилось. Давно это было, я ее совсем не помню. Мама рассказывала, какой скандал случился, все еще в бараках жили, об отдельных квартирах и не мечтали. Ибрагим-то деньги всегда имел, но при коммунистах нищим прикидывался, чтобы его за ростовщичество не посадили. В общем, посватался к дочке скупщика хороший парень из приличной семьи, а Фатима ей даже думать о нем запретила, жених был не их веры, а наш, русский, с крестом на шее. Но старшая дочь оказалась непокорной, расписалась без родительского согласия. И Фатима ее прокляла, вон выгнала, больше с дочкой никогда не виделась. Вот какой у тетки характер. Но сейчас я ее осудить не могу. Марианка

только-только умерла, положено горевать, а вдовец с утра ломбард открыл и сидит, насвистывает. Я прямо офигела, когда утром увидела, как он чапает, словно ничего не случилось. Отпустил Ису, тот всегда по ночам дежурит, и с ювелиркой, как обычно, ковыряется. Ясное дело, Фатима взбесилась.

– А что произошло с Марианной? – проявила я любопытство.

– Тетенька, продайте нам вату, – снова прервал наш разговор детский голос.

Алиса запустила свой агрегат.

– Точно не знаю. Кто говорит, инфаркт, кто болтает про инсульт, а некоторые считают, что Марианку за вредность убили.

– Последнее навряд ли, – усомнилась я, – тогда бы тут сейчас полиция работала.

Алиса вручила растрепанные розовые комья двум подпрыгивающим от нетерпения девочкам и криво усмехнулась:

– У нас здесь территория Шакирова, его законы, его суд. Самого хозяина не видим, Заур с делами управляется, а он с полицией о чем угодно договорится. Главное, чтобы бизнес вертелся и покупатели косяком тянулись. Сейчас Заур Фатиме с Хамидом объяснит, как вести себя надо, и опять все тихо будет! Наши никогда к властям не обращаются. Какой от них толк? Вот Заур справедливый, он и защитит, и накажет.

Глава 7

История с наперсточником насторожила меня. Как вы объясните появление таинственного мошенника, который поджидал у метро именно Анастасию? И, главное, каким образом к нему попало кольцо Нины Феликсовны? Откуда симпатичный молодой человек мог узнать, когда Настя Груздева пойдет из общежития бывших зэков домой?

Ответ на последний вопрос нашелся сразу: кто-то предупредил красавчика. И, скорей всего, информатор – один из подопечных Зуевых. Да, все жильцы дома Доброй Надежды находились в цирке, но то, что Анастасия не пойдет на представление, а останется мыть окна, было известно заранее. Может, в общежитии помимо Ларисы Малкиной, пьяного Кирилла Найденова и Насти находился еще кто-то? Вдруг один из бывших уголовников тайком удрал с представления и незаметно вошел в дом? Что, если вся история придумана для того, чтобы подвести под монастырь Настю? Но зачем преступнику нужно отправлять девушку за решетку? Она его обидела? Унизила? Узнала его тайну и грозила ее разболтать? И почему кольцо? Проще украсть деньги, вытащить из сумки Нины Феликсовны кошелек. Откуда вор мог знать, что Зуева оставит на рукомойнике фамильную драгоценность?

Я вздохнула. На этот вопрос вроде тоже есть ответ: благотворительница, по словам Лены, постоянно бросала перстень на полочке. И он к ней всегда благополучно возвращался. Что же случилось на этот раз? Отчего украшение не отдали владелице? Как оно попало к наперсточнику? Стоп, я начинаю ходить по кругу. Что произошло с Марианной? Скупщица сообщила в полицию о сданном в ее ломбард украшении, можно сказать, «утопила» Настю и скоропостижно умерла. Вся история выглядит очень странно. Вдруг Лена права, и ее дочь ни в чем не виновата, она жертва чужого хитроумия? Но кто мог желать девушке зла?

Поняв, что мне надо поговорить с подопечными Нины Феликсовны и с ее верной помощницей Ларисой Малкиной, я призадумалась, как изыскать такую возможность. Появиться в фонде под своим именем нельзя. Едва я покажу служебное удостоверение, как все сотрудники и обитатели дома Доброй Надежды мигом узнают, что к ним явился детектив, а тот, кто помогал «наперсточнику», затаится и заметет все следы. У Макса на службе состоит Володя Анисимов, который очень быстро изготовит вам любые документы и составит новую биографию. Конечно, если вы попытаетесь ввести в заблуждение серьезную организацию, захотите, например, устроиться по фальшивому паспорту в Гознак, то вас живо разоблачат, но у кадровика в обычной фирме вопросов не возникнет. Вот только мне абсолютно не с руки обращаться к Володе, который не особенно жалует меня и непременно скажет: «А Макс в курсе твоего расследования? Нет? Извини, без приказа босса я даже не чихну».

Минут пятнадцать я пыталась сообразить, как лучше решить проблему. Потом меня осенило – Офелия Бурмакина! Фели – жена очень обеспеченного человека, она занимается благотворительностью и не любит посещать светские мероприятия, фотографии Бурмакиной никогда не мелькают в глянце.

Я тут же позвонила Офелии, объяснила суть вопроса, и та сказала:

– Я знакома с Ниной Феликсовной, мы встречались на балу для меценатов, который устраивал мой муж перед Новым годом. Очень приятная дама. Не волнуйся, я все организую.

Она звякнула Зуевой и сказала ей:

– У меня есть двоюродная сестра, Леночка Романова, прекрасный, добрый, но очень наивный, не от мира сего человек. Сколько раз ее обманывали, невозможно сосчитать. Лена склонна всегда верить людям, а те, узнав о нашем родстве, используют ее, чтобы проникнуть к нам в дом, познакомиться с элитой делового мира России. Нина Феликсовна, буду откровенна, мне нужно, чтобы моя родственница работала в таком месте, где нет подлецов и негодяев, размер зарплаты не принципиален. Ленуся живет с нами. Нет ли в вашем фонде местечка для моей сестрички?

– Даже если б его не было, все равно мы бы изыскали возможность приголубить Елену, – заверила Нина Феликсовна. – Мы буквально на днях рассчитали девушку, которая работала помощником-секретарем в нашем дизайн-бюро. Много денег мы не платим, зато обещаем интересную, творческую работу. Еще Лена, если захочет, может помогать нашим подопечным, стать правой рукой Ларисы Малкиной. Вы же знаете Ларису, супругу Вениамина Константиновича?

– Лично нет, но слышала, что она занимается благотворительностью. Не напоказ, а на самом деле, – ответила Офелия.

– Да, Лара не из тех, кто любит покрасоваться с бокалом шампанского в руке на вечеринках под лозунгом «Поможем гигантским дельфинам пустыни Сахара». Малкина настоящая труженица, не боится черновой работы, – отметила Зуева. – Пусть Леночка завтра в девять утра приезжает в наш с Вадимом офис. Офелия, вы в курсе, что мы занимаемся париями, людьми, которых общество не принимает, даем шанс бывшим заключенным. Елена… э… она…

– Прекрасный, сострадательный человек, который, как Малкина, не боится трудной работы, – заверила Офелия.

– Очень рады будем видеть ее, – воскликнула основательница фонда.

После того как Фели передала мне содержание беседы, я поблагодарила ее:

– Спасибо! Что бы я без тебя делала!

– Да, хорошо иметь умную и расторопную подругу, – согласилась Офелия. – А еще я необыкновенно предусмотрительная. Предупредила Зуеву: «Двоюродную сестру все зовут Лампой. Прозвище она получила за веселый характер. В ее присутствии становится светлее, словно лампочка в комнате зажигается». Я подумала, что ты рано или поздно забудешься и брякнешь кому-нибудь в присутствии Зуевых: «Обращайтесь ко мне просто Лампа», вот и приготовила объяснение на этот случай.

– Ты гениальна! – воскликнула я.

* * *

Первая моя встреча с Ниной Феликсовной и Вадимом прошла без всяких осложнений. Сегодня меня впервые взяли к заказчику, а после этого предстоит отправиться в общежитие бывших зэков, где меня познакомят с Малкиной и обитателями дома Доброй Надежды.

– Ну и дверь у него, – покачала головой Зуева, увидев створку из натурального дерева, утыканную шипами.

Я осторожно потрогала одну железку.

– Об этот шип легко пораниться. На мой взгляд, нельзя так украшать дверь, кто-нибудь может пострадать.

Вадим нажал на звонок.

– Да уж! Выглядит неприветливо.

Дверь бесшумно открылась.

– Входите, – прошелестела худенькая женщина в платье цвета линялой мыши, – Герман Евсеевич в кабинете.

Я начала снимать туфли.

– Не надо, – остановила меня домработница, – ступайте так.

– Нанесу вам грязи, – смутилась я.

– Вымыть полы нетрудно, – еле слышно возразила горничная. – Герман Евсеевич не любит, когда мастера босиком ходят, он брезгливый.

– Каролина! Кто пришел? – крикнул из глубины апартаментов визгливый тенор.

– Специалисты по интерьеру, дизайнеры, – ответила прислуга. – Сейчас я их к вам…

– Молчать, дура! – заорал тот же голос. – А эти пусть идут в каминную.

– Пожалуйста, налево по коридору, – предложила Каролина, – теперь прямо…

– Сколько тут квадратных метров? – поинтересовался Вадим.

– Тысяча, – шепотом уточнила горничная. – Герман Евсеевич любит простор.

Мы вошли в огромный зал, и я вздрогнула. Одну стену занимает гигантский камин, в котором можно жечь нераспиленные бревна, а на остальных тут и там развешаны головы несчастных погибших животных. Окна здесь круглые и расположены в беспорядке в самых неожиданных местах – два под потолком, одно почти у пола, три на разных уровнях, между останками антилоп, зебры и прочих невинно убиенных животных.

– Господин Фомин охотник? – предположила Нина Феликсовна.

– Да, – кивнула Каролина. – Он меткий стрелок, недавно убил слона, но его пока не вывесили, он в работе у таксидермиста.

– А еще хозяин любитель рыбок! – воскликнула я. – Смотрите, какой красивый аквариум. Можно поближе подойти?

Не дожидаясь разрешения, я приблизилась к стеклянному кубу и удивилась.

– А зачем в воде зеркала?

Вадим сел в кресло.

– Вот уж в чем не смыслю, так это в содержании всяких там гуппий.

– Наверное, для красоты, – предположила Нина Феликсовна. – Или, может, рыбкам нравится на себя любоваться.

– У нас не рыбки, а две черепашки, – еле слышно сказала Каролина.

– Ой, правда! Такие милые! – восхитилась я.

– Лампочка, посмотрите, камин отделан перламутром, – позвала меня Зуева.

Я подошла к Нине Феликсовне.

– Действительно, это не пластик. Ну и ну! Интересно, сколько стоит такая облицовка?

– Эй, дура! А ну поди сюда! – завизжали из коридора.

Горничная стала меньше ростом.

– Разрешите покинуть вас?

– Конечно, милая, – улыбнулся Вадим. – Не волнуйтесь, мы никуда не торопимся.

– Герман Евсеевич не любит, когда мастера остаются без присмотра, – прошелестела домработница, – в доме исключительно ценные вещи. Влетит мне, что ушла! Но ведь он зовет?

– Нельзя одновременно находиться в двух местах, – сказала Нина Феликсовна. – Идите, дорогая, мы не умыкнем чужое добро.

– В частных квартирах ничего не тырим, прем раритеты только в музеях, – добавил с усмешкой Вадим.

Каролина выскользнула в коридор. Нина Феликсовна сложила руки на груди и обвела взглядом каминную. Вадим принялся чесать шею, руки. Я еще вчера поняла, что у Зуева проблемы с кожей. Правда, лицо у него чистое, но под подбородком начинается цепь неровных пятен, которая уходит под рубашку, и на тыльной части ладоней видны те же отметины.

– Перестань! – приказала сыну Нина Феликсовна. – Не веди себя как блохастая собака. Лампа, не бойтесь, у Вадика просто аллергия на пыль. А в этом помещении ее предостаточно.

Я ответила:

– Я не принадлежу к числу людей, которые, поздоровавшись с кем-либо за руку, тут же достают антибактериальный гель. Хотите таблетку? У меня есть с собой антигистаминный препарат. Иногда я начинаю чихать и кашлять, но пока не выяснила, на что мой организм столь бурно реагирует.

Вадим вытащил из кармана дозатор и пару раз прыснул себе в рот.

– Вам плохо? – испугалась я. – Может, лучше на улицу выйти? Здесь ужасно пахнет, и, несмотря на то что потолок высокий, кажется, что он вот-вот на голову упадет.

Вадим спрятал лекарство.

– Представляю, как великий и ужасный Герман Евсеевич обрадуется, когда увидит на полу мой хладный труп. Готов спорить, что любезный хозяин отдаст его чучельнику, и вскоре головушка дизайнера повиснет вон на той стене между кабаном и жирафом. Представляешь, Нина, входишь ты сюда с новыми занавесками, а я на тебя смотрю стеклянными глазами!

Зуева, пропустив слова сына мимо ушей, повторила сказанную мной фразу.

– Кажется, потолок на голову падает? Лампа, у вас повышенная чувствительность. Некоторые цвета, например красный, вызывают…

Договорить Нина Феликсовна не успела, в каминную влетел тщедушный подросток, который, видимо желая понравиться девочкам из класса, выкрасил волосы в ослепительно белый цвет. Сначала я подумала, что это сын истребителя четвероногих, но потом поняла: мальчик одет в очень дорогой, сшитый на заказ костюм, манжеты его рубашки застегнуты запонками с крупными бриллиантами, на ногах у него ботинки из натуральной кожи змеи, на запястье болтаются золотые часы размером с будильник, который в детстве поднимал меня в школу. От подростка разило дорогим парфюмом и сигарами. Он завизжал:

– Вы экстрасенсы, которые переоборудуют квартиры?

И до меня дошло – перед нами сам хозяин, великий и ужасный Герман Евсеевич Фомин.

Глава 8

– Нет, мы не лечим карму пиявками и не исправляем энергетику, – спокойно ответила Нина Феликсовна. – Мы дизайнеры, наша задача сделать интерьер дома уютным, комфортным, подобрать драпировки, обои, мебель, ковры. Никакой мистики, все очень просто.

– Как ни назови, один хрен, – резюмировал хозяин. – Каролина, дура, где мой чай? Я опять задыхаюсь! Скорей! Пить!

Горничная вбежала, неся на золотом подносе литровую кружку синего цвета.

– Сколько тебя, идиотку, ждать? – в очередной раз схамил Герман Евсеевич. Затем плюхнулся в кресло, отхлебнул из посудины и стал громко вещать: – Я построил квартиру, обставил, украсил, бабла вкачал в интерьер немерено, приобрел все самое лучшее, шикарное. Люстры из Италии, мебель американская, камин немецкий, ничего российского, все из экологически чистых материалов, а я задыхаюсь в этой комнате. Воздух, как кисель, в легкие не втекает!

– Понимаю вас, – с сочувствием произнес Вадим, почесывая руку.

– Нет, тебе не понять! – внезапно разозлился Герман Евсеевич, вскочил и забегал по гостиной. – Камин стоил пятьдесят тысяч евро, люстра тридцать. Обои из древнего папируса. Мне обещали, что они погасят все плохие волны. И где эффект? Паркет из бивней мамонта. Поставщик клялся, что при ходьбе я с каждым шагом буду оздоравливаться. И почему мне так тошно?

Нина Феликсовна откашлялась.

– Разрешите объяснить. Жить на кладбище некомфортно. Думаю, в гостиной всегда холодно. Так?

– Аж озноб до костей пробирает, – прошептала Каролина. – Сыро тут. Разведешь огонь, а он не греет, впустую горит.

– Кто тебе рот открыть разрешил? – изумился хозяин. – А ну заткнулась! Кругом воры, обманщики, мерзость, гадость. Эй, что у тебя на руке?

Домработница растопырила пальцы.

– Ничего.

– Да не к тебе, идиотке, обращаюсь! – гаркнул «вежливый» хозяин и подошел к Зуевой. – Покажи кольцо!

Нина Феликсовна вытянула вперед руку.

– Неплохая вещичка, – процедил Фомин. – У меня такой нет. Продай. Хочу.

– Вы носите женские украшения? – удивился Вадим.

– Нет, – отрезал хозяин.

– Зачем тогда вам этот перстень? – не утихал парень.

– Не люблю, когда у меня чего-то нет, а у тебя это хорошее и дорогое есть, – объяснил нувориш.

– Кольцо фамильная ценность, – объяснила Зуева. – Передается из поколения в поколение. Я от него не откажусь ни за какие деньги.

– Чушь! – выпалил Фомин. – Я предложу миллион баксов, так еще упрашивать будешь, чтобы взял твою хреновину.

– Давайте попробуем для начала поменять занавески, – перевела разговор на другую тему Зуева. – Здесь станет светлее и тогда…

Герман вскочил, подбежал к стене, на которой висела здоровенная морда носорога, и затопал ногами:

– Не хочу света! Мне нужен кислород! Душно тут.

– Может, открыть окна? – не выдержала я. – Устроить сквозняк?

– Московский воздух отнюдь не целебен, – хмыкнул Вадим.

Фомин замер, открыл рот, но не успел произнести ни звука. Огромная коричнево-серая голова с рогом на носу сорвалась со стены, упала прямо на тщедушного бизнесмена и погребла его под собой.

В каминной повисла тишина. Потом Вадим выпалил:

– Ох и ни фига себе!

Нина Феликсовна подбежала к останкам носорога и крикнула:

– Вы живы?

– Бу-бу-бу-бу, – донеслось из-под чучела.

– Вроде он реагирует на раздражитель, – обрадовался Вадим. – Ну-ка, секундочку…

Зуев несколько раз попытался приподнять то, что осталось от представителя африканской фауны, потом отошел назад.

– Тяжелая штука. Скажите, Каролина, у вас в доме есть домкрат?

– Надо у шофера спросить, – прошелестела домработница.

– Дура! – вдруг четко прозвучало из-под морды носорога. – Водитель поехал по делам, домкрат в машине.

Каролина мелкими шажочками подобралась к жуткой морде.

– Герман Евсеевич, вы в порядке?

– Не надейся, кретинка, – донеслось в ответ. – Дай пить! Живо!

Горничная убежала.

– Немедленно достаньте меня отсюда, – потребовал Фомин, – хватит по сторонам пялиться.

– Мы думаем, как лучше это сделать, – ответил Вадим. – О, кочерга! Ее можно использовать как рычаг.

– Не тронь! – взвизгнул Герман Евсеевич. – Это непростая вещь, из золота с гравировкой. Погнешь, сломаешь – не расплатишься. Моя кочерга единственная

во всем мире, второй такой ни у кого нет.

– Вроде золото плавится при не слишком высокой температуре, – засомневалась я. – Как ею угли мешать?

– Кто тебе сказал, что моим элитным аксессуаром можно в грязи копаться? – возмутился хозяин. – Она для шикарности интерьера, чтобы гостей от зависти пропоносило. Дайте пить! Где эта дура?

– Бегу, Герман Евсеевич, – запыхавшись, выпалила домработница. – Вот морсик, ваш любимый, клубничный. Подать?

– Идиотка, – привычно отреагировал шеф. – Я от жажды засохну, пока до чьего-то деревянного мозга дойдет, что делать надо. Не дрыхни, дура!

Каролина присела на корточки и начала осторожно наливать красную жидкость в приоткрытую пасть носорога.

– Чтоб тебя разорвало! – взвыла голова. – Прекрати!

– Так я пить вам даю, – растерялась Каролина.

– Куда льешь морс? – возмутился труп носорога.

– В рот, – пролепетала горничная.

– Чей? – допытывался Герман Евсеевич.

– Ваш, – еле слышно ответила затюканная прислуга.

– Дура! Там носорожья пасть! – заверещал босс. – Мне через ноздри капай. Усекла, балда?

– Простите, Герман Евсеевич, – прошептала Каролина, – я никогда этим не занималась. А где у вас нос?

– На лице, идиотка!

Горничная совсем сникла.

– Но я вашего личика не вижу.

Нина Феликсовна отняла у бедняжки кружку.

– Господин Фомин имеет в виду орган дыхания чучела. Хотя я ляпнула феноменальную глупость. Тот, кто умер, не дышит. В доме есть соломинки для коктейля?

Каролина выпрямилась.

– Вам с позолотой, со стразами от Сваровски или с ручной китайской росписью?

– Без разницы, – ответила Зуева, – главное, чтобы через нее жидкость протекала. Лучше простую, которой все пользуются, – одноразовую пластиковую трубочку, желательно большого диаметра. Такие к смузи подают.

– У нас нет ничего обычного, – пояснила Каролина, – все по спецзаказу.

– Ну раз так, несите, что есть, – согласилась Нина Феликсовна. – И еще лист бумаги, предпочтительно жесткой. Туалетная или салфетка не подойдут.

Домработница в мгновение ока притащила требуемое, Зуева осторожно вставила одну соломинку в ноздрю чучела, оторвала кусок белого листа, скрутила воронку, воткнула ее в трубочку и начала аккуратно лить туда клубничный морс.

Вадим вынул телефон.

– Женя, где наши строители? А в офисе кто-нибудь есть? Да нам надо носорога поднять. Настоящего. Нет, не шучу, реальный зверь. Вернее, его голова. Нет, это очень долго. Сейчас попробуем сами сообразить.

– Можно зацепить за рог ремень, – предложила Каролина. – У Германа Евсеевича есть очень длинный и крепкий пояс из кожи каракуцы. А потом мы все потянем за него и приподнимем мордочку. Я очень сильная, честное слово. Сейчас принесу.

Мне стало интересно, что за зверь такой каракуца, но в данной ситуации я предпочла промолчать.

– Разговорилась, дура, – вякнул носорог и закашлялся.

– Вы лучше молча пейте, – посоветовала Нина Феликсовна, – а то захлебнетесь.

– Так чего пить-то? – пропищали в ответ.

Зуева замерла.

– Морс. Я лью его вам в ноздрю. То есть не вам, но вы меня поняли.

– Ничего тут нет, ни капли! – взвизгнул хозяин дома.

Зуева уставилась на пустую емкость.

– Куда же морс подевался?

– Красивый у вас аквариум, – похвалил Вадим, подходя к большому стеклянному кубу в углу комнаты. – Тоже спецзаказ?

– Подхалимы подарили, – ответил владелец хором. – Думали, я им за эту хрень тендер на поставку выиграть помогу. Со мной такие штучки не проходят. Даешь взятку? Возьму. А потом – дулю тебе! Ваще не помню, кто эту ерундовину припер. Мне вечно все приносят и задарма отдают.

Из носорожьей пасти понеслось хрипение, перешедшее в кваканье.

– Вам плохо? – встревожилась я.

– Нет, Герман Евсеевич смеются, – успокоила меня прибежавшая Каролина, – у них прекрасное настроение. Вот ремешок. Его сделали из каракуцы!

– Это кто такой? – не выдержала я.

Каролина затеребила пояс.

– Когда американский космонавт вернулся с Луны, в его корабле обнаружили невиданную зверушку. Откуда она взялась, никому не ведомо. Может, инопланетяне подсунули? Когда каракуцы умер, из него сделали ремень. Герман Евсеевич его у одного коллекционера купил, тот ему эту историю и рассказал.

– Понятно, – пробормотала я. – Надеюсь, он на самом деле прочный. А куда его привязывать?

– За рог, – посоветовала Нина Феликсовна.

– Думаю, лучше морским узлом завязать, – пробормотал Вадим, по-прежнему стоя возле черепах.

Я прищурилась. Мне показалось или в воде неожиданно вспыхнула лампа?

– Вам наш аквариум понравился? – спросила домработница.

– Из всей обстановки комнаты это единственная позитивная вещь, – ответила Зуева. – Светлое пятно на кладбище. Этот куб с водой я бы оставила, а остальное поменяла, иначе Герман Евсеевич в один далеко не прекрасный день на самом деле задохнется. Существуют исследования, доказывающие, что на состояние нашего здоровья влияет не только качество материалов, использованных при оформлении интерьера, но и то…

– Черепашек привезла фирма, – перебив Нину, зачастила Каролина. – Приехали парни в белых комбинезонах, и раз, раз – готово. Германа Евсеевича дома не было, они мне сказали, что доставили ему подарок от партнера по бизнесу. Я им имена дала. Вот та, черненькая, мальчик Роберт.

– Роберт? – удивленно переспросила Нина Феликсовна.

– А другая, серенькая, Джульетта. Роберт и Джульетта, ну прямо по кинофильму. Смотрели? Они там все умерли. Как жаль! – неожиданно разговорилась Каролина.

– Не позорься, дура, – вякнула голова, – заткнись, деревня. Не Робертом парня из фильма звали, а Романом.

Каролина прикрыла рот рукой.

– Давайте потянем, – предложил Вадим, – я встану первым.

Все мы выстроились цепочкой и ухватились за темно-коричневую полоску кожи.

– Раз, два, три-и-и! – скомандовал Зуев.

Я что есть силы дернула ремень, послышался странный звук, голова приподнялась, Герман Евсеевич с юркостью ящерицы выполз на свободу, но встать не успел. Рог, к которому Вадим примотал пояс, вылетел из крепления. Зуев не смог удержаться на ногах и шлепнулся на спину, за ним, как костяшки домино, рухнули Нина Феликсовна, я и Каролина. Морда носорога грохнулась опять о пол и развалилась на несколько частей.

– Что это? – завопил Герман Евсеевич, отползая в сторону. – Почему она внутри серая? У носорогов такой череп, да?

В эту поистине драматическую секунду у меня зазвонил телефон. Я села, вытащила трубку из кармана и шепнула:

– Алло.

– Простите, что беспокою во время работы, но я хотела вас успокоить. Я вернулась домой, заберу Кису вовремя, – сообщила Роза Леопольдовна и отсоединилась.

– Она сделана вроде из бетона, но, конечно, это не бетон, – сказал Вадим, поднявшись на ноги и подойдя к обломкам чучела. – Это не настоящий носорог.

Имитация. Хорошая работа, обтянута, наверное, искусственной кожей. Где заказывали?

– Надо же! – восхитилась Нина Феликсовна и закашлялась. – Даже я голову за настоящую приняла. Действительно, это не бетон, какая-то другая смесь. Фу! Теперь понятно, почему хозяин задыхается, похоже, материал токсичен. У вас только носорог фейковый или еще такие среди чучел есть? Надо их срочно убрать, этак вы астму заработаете.

– Или сердечный приступ, – отчаянно чихая, добавил Вадим. – Каролина, можно проветрить помещение? Лучше устроить сквозняк, он цементную, или уж не знаю, как ее назвать правильно, пыль выдует.

Домработница не ответила, уставилась на хозяина и неожиданно громко воскликнула:

– Герман Евсеевич! Вы убили этого носорога?

– У кого-то есть сомнения? – огрызнулся хозяин. – Прямо в лоб ему стрелой из арбалета угодил.

– Навряд ли, – засмеялся Зуев. – Мне еще ни разу не встречалось зверье из строительных смесей. Вас обманули: сделали не чучело, а имитацию. Думаю, цена этой головы, учитывая материал, э… тысяч двадцать. Рублей. Дешевая вещь. И не особенно крепкая. Видите, легко раскололась, развалилась на части. Наверное, когда головища со стены шлепнулась, она слегка треснула, а потом, лишившись рога, еще раз о пол грохнулась и – кирдык котенку.

– Как это вы не заметили подделку? – уколола заказчика Нина Феликсовна.

– Не стоит упрекать Германа Евсеевича, – остановил ее сын. – Головенка висела высоко, фальшак прекрасного качества, мы, глядя на него вблизи, тоже не поняли что к чему.

Я решила высказать свое мнение:

– Конечно, потому что понятия не имеем, как на самом деле выглядит африканское животное. Я сама никогда его не гладила, видела исключительно по телевизору.

– Хорошо, что головешка внутри полая, – не успокаивался Вадим. – Герману Евсеевичу удивительно повезло. Стой он на десять сантиметров левее или правее, мог бы и погибнуть.

– Это настоящий носорог, – побагровел Фомин. – Его мне прислали после сафари. Таксидермист был из Японии! Денег взял гору!

– Маловероятно, – снова возразил Вадим. – Посмотрите сами, на полу нет ничего похожего на кости животного.

– Это какая-то строительная смесь, – протянула Нина Феликсовна. – Мы дома не строим, только интерьерами занимаемся. Вы спросите у профессионального прораба, сейчас придумана масса новых материалов. Если вам интересно выяснить, из чего подделка, могу пригласить эксперта, он…

– Чучельник был из Токио! Что я, дурак? Узкоглазый, по-русски ни бе ни ме, все время кланялся, – Герман Евсеевич затопал ногами. – Зверюгу я сам убил! Из арбалета! Прямо между глаз попал!

Зуева наклонилась и начала ощупывать руины морды.

– Столько обманщиков кругом, – посетовал Вадим. – Что касается граждан Страны восходящего солнца, зайдите в любой ресторан, специализирующийся на суши, вас там будут обслуживать черноволосые, улыбчивые, плохо говорящие на русском языке самураи, да только они в действительности буряты. Ох и дурят нечестные люди наш народ!

– Герман Евсеевич, гляньте, у него нет следа от раны, – вставила свои пять копеек Нина Феликсовна. – Не знаю, можно ли гигантское животное лишить жизни с помощью стрелы, но хоть какая-то дырка от наконечника должна остаться.

Я положила свой телефон на пол, оперлась рукой о паркет и наконец-то встала.

– А можно на вашу золотую кочергу посмотреть? – спросила вдруг основательница фонда и по совместительству дизайнер. – Если она из какого-то дешевого сплава, то тоже может быть причиной вашего удушья.

– Да-да, давайте проверим все предметы, – засуетился Вадим.

– Вон! – завизжал Герман Евсеевич.

– Бога ради, не нервничайте, посмотрите на черепашек, они успокаивают, – предложила Нина Феликсовна. – Конечно, неприятно услышать, что вы стали жертвой нечестных людей, но сейчас речь идет о вашем здоровье. Надо убрать из квартиры то, что провоцирует у вас проблемы с дыханием, все вещи, сделанные из ядовитых материалов. Мы вам советуем пригласить специалистов с хорошей аппаратурой. На всякий случай пусть захватят и счетчик Гейгера.

– Мерзавцы! – заорал хозяин, швыряя в Зуеву пустую кружку из-под морса. – Гады ползучие! Прочь из моего эксклюзивного дома!

Глава 9

– Много у вас таких клиентов? – спросила я у Вадима, когда мы вышли во двор.

– Встречаются иногда скандалисты, – улыбнулся Зуев.

– Люди не виноваты, – встала на защиту заказчиков Нина Феликсовна. – Они дом построили или квартиру отремонтировали, вот и подорвали нервную систему. Увы, ни большие деньги, ни громкая фамилия не уберегут вас от нечестного прораба. Вадик, помнишь Сидорова?

– Его забудешь!.. – усмехнулся тот. – Известный телеведущий, кумир миллионов, а его ободрали как липку. Мы пришли к Сидорову обсуждать мебель и ахнули, глядя на жутко покрашенные, все в разводах, стены. Хозяину же внушили, что это венецианская штукатурка, якобы самый модный и дорогой тип чистовой отделки. Но Герман Евсеевич – это нечто! Бедная Каролина, угораздило же ее устроиться на службу к этому чудовищу.

– Поехали в общежитие, – велела Нина Феликсовна. – Денек сегодня неудачно начался, надеюсь, закончится приятным сюрпризом.

– Скорее всего, правило трех неприятностей в вашем случае не сработает, – улыбнулась я.

– Что это такое? – заинтересовался Вадим.

– Если утром случается некая незадача, то за сутки непременно произойдут еще две, – пояснила я.

– Чушь! – отрезала мадам Зуева, садясь за руль. – Во что веришь и чего боишься, то с тобой и происходит. Стопроцентно. Мысли материальны, так что не приманивай к себе глупости. Точка.

Она резко захлопнула дверь, белая иномарка взвыла мотором – и, вместо того чтобы поехать назад, рванулась вперед, вновь стукнув бампером мусорный бак.

Вадим закатил глаза.

– Мама!

Нина Феликсовна высунулась в открытое окно.

– Что там такое?

– Ты снова стукнула помойку, – пояснил сын.

– Нехорошо вышло, – пригорюнилась дама.

– Да уж, – согласился Вадик, – автомобиль только что из салона.

– Думаешь, надо дать денег ДЭЗу на ремонт бачка? – снова, как прежде, осведомилась Зуева.

– Не стоит, – отмахнулся сын.

– Вот и чудненько, – обрадовалась Нина Феликсовна, развернулась и понеслась.

– Мама за рулем тридцать лет, – вздохнул Вадим, – но, видно, водить машину – не ее предназначение.

* * *

Общежитие оказалось двумя большими квартирами, объединенными в единую систему.

– Ларочка, не сочти за труд, покажи нашей новой помощнице Лампе помещение, – попросила Нина Феликсовна. – Устала я что-то.

Вадим выпучил глаза, поднял руки, скрючил пальцы и завыл:

– Герман Евсеевич вампир, питается чужой энергией! Он высасывает из дизайнеров жизненную силу!

Зуева поморщилась:

– Перестань. Терпеть не могу, когда несут ерунду.

– Но ты же не можешь отрицать, что существуют люди, в присутствии которых становится плохо, – обратилась к Зуевой Лариса. – Вроде человек прекрасно воспитан, вежлив, улыбается, а от него прямо отталкивает. И силы уходят после общения с ним.

– Давайте перестанем идиотничать, – остановила Малкину Нина Феликсовна. – Лара, введи Лампу в курс дела.

– Какое интересное имя, – настороженно сказала управляющая.

– На самом деле нашу новую помощницу зовут Елена Романова, – поспешила уточнить Зуева. – Она двоюродная сестра Офелии Бурмакиной. Фели мне

домашнее прозвище ее и сообщила. А мне оно так понравилось! Очень нежно звучит – Лампочка… Пойду умоюсь, может, туман в мозгу рассеется.

– Анюта! – крикнула Лариса, взглянув на дверь.

В комнату вошла светловолосая девушка в джинсах и выжидательно посмотрела на Малкину.

– Сделай Нине Феликсовне кофе, – попросила ее Лариса.

– Так… – протянул Зуев, – хорошо быть начальницей! И кофе тебе предложат, и конфеты, и сгущенку с повидлом. А мы с Лампой простые наемные лошади, нам даже водички студеной из колодца не нальют. Ступайте, ишаки, хлебайте из лужи, становитесь козлятами.

Анюта ойкнула и попятилась.

– Он шутит, – успокоила ее управляющая. – Свари всем кофеек и угости булочками.

Аня кивнула и ушла.

– Никак Нюта к хохмам Вадика не привыкнет, – пояснила Лариса. – Нет у нее никакого чувства юмора, все серьезно воспринимает.

– Кто сказал, что я шучу? – заерничал Зуев. – Я серьезен, как хирург.

– Да ну тебя, – махнула рукой Лариса. – Пошли, Лампочка, покажу наши владения. Ничего, что я на «ты»?

– Наоборот, я неуютно себя ощущаю, если мне выкают, – откликнулась я.

– Вот тут женщины устроились, – объясняла Малкина, сворачивая в коридор, – их сейчас трое: Кира, Надежда и Анюта. У нас самообслуживание, ни поваров, ни уборщиц, ни прачек нет. Сами готовим-убираем-стираем. Обитатели сдают часть зарплаты на еду и оплату коммунальных услуг. Сегодня Нюта на кухне дежурит.

– Я думала, что бывшие заключенные содержатся бесплатно, – удивилась я.

Лариса понизила голос:

– Это развращает. Человек привыкает к тому, что в холодильнике еда из воздуха возникает, а за свет-газ добрые дяди-тети платят, и усваивает: он может ничего не делать, жизнь и так удалась. Конечно, мы много вкладываем в общежитие, покупаем подопечным одежду, обувь, но Нина, и я с ней совершенно солидарна, считает, что надо не пойманную рыбку человеку давать, а вручить ему удочку и научить пользоваться ею. Твое отношение к вопросу?

– Согласна, – кивнула я. – Но, наверное, не так просто воспитывать и образовывать взрослых людей.

Лариса пожала плечами:

– А что легко? Нина не берется за запущенные случаи, не принимает тех, у кого восемь-десять ходок и песня: «Я ни в чем не виноват, сидел из-за полицейского произвола». Главное условие, при котором человек может попасть под нашу опеку, это осознание своей вины, честное признание: «Да, я оступился. Был дураком. Больше никогда так не поступлю». Условия у нас хорошие, все возможности для самореализации предоставлены. Вот гостиная, она общая. Смотри, тут телевизор, игровая приставка, компьютер, библиотека. Днем здесь никого нет, а вечером многие посидеть перед теликом любят.

Лариса распахнула дверь, я увидела длинный полукруглый диван и сладко похрапывающего на нем мужчину в спортивном костюме.

– Кажется, кто-то есть, – пробормотала я.

– Найденов! – с возмущением воскликнула Малкина. – Как это понимать?

Спящий перестал храпеть, резко сел, пошатнулся, оперся рукой о подушки, заморгал и выдавил из себя:

– Здрасти, Лариса Евгеньевна.

– Просто отлично! – взвилась Малкина. – Ты почему тут дрыхнешь? Общая комната не спальня!

– Телик глядел, голова кружиться стала, – пожаловался Найденов, – вот и решил отдохнуть.

Лариса подошла к дивану и потянула носом.

– Пил?

– Да вы что! – возмутился Кирилл. – Я не враг себе! Водку даже не понюхаю. Все зло от нее, я из-за ханки на зону загремел. Сейчас даже смотреть на окаянную не могу.

– Хотелось бы верить, – сурово сказала Малкина. – Но помню, как кое-кто недавно, до свинского состояния наклюкался. Учти, Найденов, тебя простили в первый и последний раз. Сделай вывод и берись за ум. Не вздумай более спиртное употреблять.

Кирилл размашисто перекрестился:

– Чес слово, ни разу в винный отдел после освобождения не заглянул. Не интересует меня алкоголь. Все, отрезано! Лариса Евгеньевна, вы же знаете, я запойным никогда не был, на зону по дури угодил. Подбили друзья-товарищи с ними Новый год отметить…

– Можешь не продолжать, – остановила его Лариса. – Знаю, знаю, закончился для тебя праздник в СИЗО. Не ври, Найденов. Если ты такой непримиримый противник выпивки, то почему недавно в невменяемом состоянии сюда заявился?

– Неправда! – возмутился Кирилл. – Не приходил я выпимши!

Лариса всплеснула руками:

– Ушам своим не верю… Да я собственными руками тазы с твоей блевотиной таскала! Совсем совесть потерял? Ох, зря тебя Нина Феликсовна простила, не

осознал ты всю мерзость своего поведения.

Дверь в гостиную открылась, на пороге появился стройный симпатичный блондин с голубыми глазами и весело воскликнул:

– Привет, мам! Пришел тебе помочь.

Лариса повернулась ко мне:

– Знакомься. Мой сын Миша.

– Очень приятно. Лампа, – представилась я.

– Красивое у вас имя, – вежливо произнес юноша.

– Лампочка новая помощница Нины, – объяснила Малкина.

– Здорово! – обрадовался Михаил и вздернул подбородок. – Надеюсь, вам понравится работать с Зуевой и Вадиком, они замечательные.

Я улыбнулась. Какой красивый у Ларисы сын – словно ожившая фотография из модного журнала. Наверное, за ним толпой бегают влюбленные девушки. Во внешности парня есть лишь один крохотный дефект – темное родимое пятно, довольно большое, неровное, ниже уха под челюстью, там, где начинается шея.

– Подождешь меня тут? – спросила Малкина. – Я отлучусь на пару минут.

Я не успела согласиться, а управляющая уже выскользнула в коридор.

Глава 10

– Вечно женщины не дослушают, не поймут, обозлятся и тебя обвиноватят, – с обидой произнес Кирилл. – Не приходил я пьяным.

– Я незнакома с ситуацией, но слышала, что вы находились в нетрезвом состоянии, – возразила я. – Лучше извиниться и больше не прикасаться к спиртному.

– Не приходил я пьяным, – с упорством, достойным лучшего применения, повторил Найденов. – Я дома нажрался.

Мне стало смешно.

– Думаю, Лариса еще больше рассердится, когда услышит ваше оправдание. Разве можно приносить в общежитие спиртное? Да, если придираться к словам, то Малкина ошибается, вы не приползли поддатым с улицы, а налились водкой в своей комнате. Но разве это делает вас героем?

– И ханку я не покупал, – снова заспорил Кирилл. – Все наши в тот день в цирк намылились, а мне выпало окна мыть, и я хотел побыстрее отделаться да к телику сесть, кинушку смотреть. С утра умылся, кофе на кухне попил. Ларисы Евгеньевны там не было, не знаю, куда она подевалась. Может, еще не пришла? Я в свою комнату вернулся. Ба! На столе поллитровка стоит, руки тянет и просит: «Выпей меня, Кирюша, отдохни, устал ты!»

– Надо же, какая настойчивая бутылка, – стараясь не рассмеяться, восхитилась я. – Решила пожертвовать своим содержимым ради вас!

– Я ее просто посмотреть взял, – бубнил Кирилл, – из интереса. Никогда раньше такую не пробовал, называется «Жидкое золото». Водка не белая и не прозрачная, а желтая, внутри вроде как блестки плавают. Пить я не собирался, только понюхал. Запах не сивушный, значит, хорошей очистки продукт. И, видать, не дешевый. Но мыслей прикладываться я не имел. Гляжу, а справа стоит тарелка, и на ней хлебушек черный, огурчик солененький, сало тоненько нарезанное, розовое такое, с прожилочками, чесночка долька… Кто ж тут удержится? Я бутерброд сделал, откусил, сижу, жую, на «Жидкое золото» смотрю и говорю себе: «Кирюха, даже не думай, не подводи Нину Феликсовну, она тебя из навоза вытащила. Ступай окна мыть». Потом глаза открываю, Лариса Евгеньевна в комнате стоит, чего-то бубнит, слов не разобрать. А мне плохо! В общем, паленая водка была. Бутылка красивая, а содержимое фальшак. Сейчас такие мастера есть! Гонят в подвале табуретовку, разливают и с магазином договариваются. Пустые бутылки у бомжей и пьяниц скупают, старух нанимают,

те на улицах порожнюю посуду собирают. Никогда мне раньше так хреново не было. Ну помаешься с похмелья денек, поправишь здоровье пивком – и снова веселый огурец. Вот уж сколько времени прошло, а меня все еще колбасит! Желудок болит, голова ноет. Точно, фальшаком травануло. И не виноват я ни в чем, бутылка сама ко мне в комнату забрела.

– Вместе с закуской, – хмыкнула я.

– Точно, – подтвердил Найденов. – Они всегда ходят парой, водяра и жрачка. И пить не хотел, из интереса бутылевич в руках подержал.

Кирилл икнул:

– О черт! Говорю же, живот до сих пор плохой, а башка дурная, кружится.

Я развернулась и быстро вышла из комнаты. Интересно, на что рассчитывает взрослый мужик, рассказывая о пришедшей к нему в гости бутылке с водкой, которая нежно попросила ее выпить? Кстати, куда подевалась Лариса? И еще один вопрос – где тут туалет?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

О том, как в семье Евлампии появились дети, Егор и Киса, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Добрый доктор Айбандит», издательство «Эксмо».

2

«Винни-Пух и все-все-все». Песня медвежонка: «Хорошо живет на свете Винни-Пух, оттого поет он эти песни вслух». – (Прим. автора)

3

Ситуация, о которой вспоминает Лампа, описана в книге Дарьи Донцовой «Огнетушитель Прометея», издательство «Эксмо».

4

Условно-досрочное освобождение – лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести (верхний предел срока заключения 5 лет), могут выйти на волю, отсидев не менее 1/3 срока; если преступление тяжкое – отбыть следует не менее половины срока, а при особо тяжком – 2/3.

5

Коктейль Молотова – самодельная бомба с зажигательной смесью.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/belochka-vo-sne-i-nayavu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить